

Закир Ярани

Самая долгая война России

Колониальные войны России

Закир Ярани

**Самая долгая война России.
Колониальные войны России**

«Издательские решения»

Закир Ярани

Самая долгая война России. Колониальные войны России / Закир Ярани — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506489-9

«Кавказская война была самым длительным вооруженным конфликтом не только в истории Кавказа, но и в истории России... В среднем на ее фронтах погибало около 20 тыс. русских солдат, казаков и офицеров каждый год... Назначение в действующую армию на Кавказ фактически было возведено в ранг уголовного наказания. В Кавказский корпус отправляли солдат — злостных нарушителей войсковой дисциплины, офицеров за различные преступления, особенно явную или кажущуюся нелояльность царскому режиму...»

ISBN 978-5-00-506489-9

© Закир Ярани
© Издательские решения

Содержание

Предыстория Кавказской войны	6
Начало сопротивления кавказских народов	10
Движение шейха Мансура	14
Политическая обстановка на Кавказе к 1813 году	24
Начало стратегического наступления А. Ермолова	27
Военные действия в Дагестане и Чечне в 1819 – 1822 гг.	32
Политика А. Ермолова в Кабарде и Закубанье	37
Основной характер политики А. Ермолова. Контрнаступление горцев	40
Смена российского главнокомандования на Кавказе. Начало русской колонизации адыгского Закубанья и Черноморского побережья	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Самая долгая война России Колониальные войны России

Закир Ярани

© Закир Ярани, 2020

ISBN 978-5-0050-6489-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предыстория Кавказской войны

Русское освоение Кавказа имеет очень давнюю историю, однако до конца XVIII в. оно происходило довольно медленно в связи со значительной удаленностью кавказских земель от русской этнической территории по транспортным возможностям того времени. Собственно русскую землю от Кавказа отделяла широкая полоса степей Причерноморья и Северного Прикаспия, передвигаться через которые русские обозы с тяжелыми повозками могли только по издавна проложенным немногочисленным дорогам, вдоль постоянных водоисточников. По самим степям кочевали ногайцы и татары, в том числе являвшиеся вассалами большей частью враждебного России Крымского ханства, которое, в свою очередь, находилось в вассальной зависимости от Османской империи. В менее доступных для кочевой конницы местностях, вдоль крупных степных рек расселялась казачья вольница. Именно казаки, в поисках новых жилищных и охотничьих угодий расселявшиеся дальше на юг, и стали первыми русскоязычными жителями Кавказа со времен исчезнувшего еще в XII в. древнего Тмутараканского княжества, которое когда-то располагалось на крайней западной оконечности кавказских земель – при соединении Азовского и Черного морей. В XVI – XVII вв. казаки основали ряд укрепленных поселений по наиболее крупным северокавказским рекам Кубани, впадающей в Азовское море, и Тереку, впадающему в Каспийское море.

Российская царская власть еще долго не предпринимала попыток подчинить отдаленные кавказские земли своему прямому влиянию, хотя время от времени отдельные племена адыгов (черкесов) и ногайцев принимали подданство русского государя, рассчитывая получить от России военную помощь против своих врагов (прежде всего, крымского хана). Однако контакты России с местными народами были еще нестойкими, присягнувшие царю князья и мурзы затем выходили из подданства, а иногда и переходили на сторону Крыма. Иногда на территории Северного Кавказа разворачивались жестокие сражения между крымскими и османскими войсками с их местными союзниками, с одной стороны, и российскими военными экспедициями с казачьими войсками и тоже союзными ополчениями местных народов, с другой. Но ранние экспедиции царских войск еще не имели своей целью полностью подчинить российской власти местные народы, а скорее лишь нанести урон влиянию в регионе могущественных соперников России: Османской империи, Крымскому ханству, Ирану. Отношения между казачьими поселенцами и коренными народами в целом не имели какой-либо особой формы; одно и то же казачье войско могло с одной коренной общиной враждовать, с другой – поддерживать добрососедские отношения, так же и кавказская община могла враждовать с казаками одного войска и мирно торговать, даже заключать смешанные браки, с казаками другого. Коренные народы Кавказа могли ссориться и сражаться с казачьими поселенцами не чаще, чем друг с другом. Кумыкские шамхалы (князья), набиравшие силу в северокавказском Прикаспии в конце Позднего Среднековья – начале Нового Времени, вступали в активные союзнические отношения с Османской империей, соответственно, превращаясь во врага для России. Жившие по соседству с Кумыкией чеченцы, вынужденные постоянно отражать притязания шамхалов на власть над собой, наоборот, чаще искали союза с Россией как с влиятельной силой, способной ограничивать кумыкские экспансивные устремления. Однако по мере ослабления Крымского ханства и приближения южных рубежей России непосредственно к кавказским пределам, ситуация стала все отчетливее меняться. В XVIII в. при российском императорском дворе стали всерьез планировать полное подчинение кавказских земель русской короне.

В 1777 – 1778 гг. в процессе освоения южных земель, лежащих между Азовским и Каспийским морями и географически входящих в Северный Кавказ, российские военные власти

возвели так называемую Азово-Моздокскую укрепленную линию, протянувшуюся почти через все Предкавказье от Азова на северо-западе до Моздока у реки Терек на юго-востоке. Главным опорным пунктом ее стала крепость Ставрополь в Среднем Предкавказье на Ставропольской возвышенности.

8 апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест об упразднении к тому периоду оккупированного российскими войсками Крымского ханства и полному присоединению крымской земли к России. С этого времени начинаются интенсивные отток мусульманского населения Крыма в Османскую империю (Османский халифат) и заселение крымских земель выходцами из Центральной России и Украины. Некогда грозное государство, веками препятствовавшее активному освоению Кавказа русскими, прекратило свое существование, и царская администрация могла вплотную заняться делами присоединения к России и кавказских земель.

Благоприятная для России обстановка заключалась еще и в том, что в июле или августе того же года в крепости Георгиевск был заключен трактат с царем объединенной Грузии Ираклием II о принятии им российского протектората. Для этого руководство Новороссии, как стали называться недавно отвоеванные у Османской империи и Крымского ханства земли Северного Причерноморья, в том числе подчиненную российским военным властям часть Северного Кавказа, прежде всего поставило задачу навсегда покончить с нестойкими в присяге, издавна переходившими то на российскую, то на крымскую сторону ногайцами.

Ногайцы, кочевавшие в степях юго-востока Европы, Крыма и Кавказа, исповедовавшие ислам, теперь оказались в довольно глубоком тылу российских рубежей, и царская администрация опасалась, что в случае нового обострения отношений России с Османской империей они могут нанести по дислоцировавшимся в южных землях войскам удар изнутри. Еще в 1782 г. была предпринята попытка переселить ногайцев в Тамбовскую и Саратовскую губернии России и за Урал, однако они ответили восстанием. Хотя восстание было подавлено, и ногайские мурзы – князья, приведены к присяге на верность Екатерине II, стало очевидно, что добиться полной покорности кочевого народа невозможно. Никакой особой экономической выгоды из торговли с ногайцами русские купцы извлечь не могли, поэтому ногайцев было решено просто истребить. В октябре 1783 г. российские войска под командованием генерала А. Суворова начали наступление на ногайские кочевья. В ходе разыгравшейся ужасающей трагедии в стиле покорения США Дикого Запада было убито около 500 тыс. ногайцев, около миллиона человек бежало в Османскую империю. К тому времени как эта кровавая мясорубка была остановлена, на Кавказе осталось лишь небольшое количество ногайцев, сумевших укрыться у предгорий, в основном на Верхней Кубани и в засушливых степях по низовьям Терека. В большинстве своем они перешли к оседлому образу жизни. Обширные степи за Азово-Моздокской линией опустели, и дислоцировавшимся на ней русским войскам можно было не опасаться удара в тыл. Однако существовавшее до того долгое тесное соседство русских поселенцев на Кавказе с ногайцами привело к тому, что многие русские названия элементов кавказской культуры, предметов быта и национальных блюд были заимствованы из ногайского языка (аул, айран, башлык, кунак и др.).

Устанавливая свою власть на Кавказе, Россия исходила из колониалистских традиций всех передовых держав того времени, внешняя политика которых была направлена прежде всего на то, чтобы подчинить своему влиянию возможно большее количество территорий. Чем большими землями владела колониальная держава, тем больше с ней считалось мировое сообщество. Российская колониальная политика отличалась стремлением максимально подчинить присоединенные земли общей централизованной царской администрации (т.е., освоенные тер-

ритории сравнительно редко получали полное внутреннее самоуправление, чаще становились не колониями в классическом смысле этого слова, а присоединялись к метрополии, в них вводилась общая для всей России административная система), чему способствовала сильная абсолютная власть российского императора. При Екатерине II царская Россия достигла наивысшего за всю историю военного и внешнеполитического могущества. Ее армия, где совершенные европейские организация и тактика сочетались с традиционной преданностью русских военнослужащих общему, государственному делу, была одной из сильнейших в мире.

Кавказ, кроме того, имел для России важнейшее геополитическое значение, так как его мог использовать в качестве плацдарма враждебный Османский Халифат, имевший несколько опорных пунктов на Черноморском побережье, и множество – в Закавказье. Овладение Кавказом отодвинуло бы русско-османскую границу далеко на юг, откуда османам было бы уже неудобно организовывать походы в южные земли России. Позднее, уже в процессе активного освоения Прикубанья, Ставрополя и Закавказья, российские сановники и купцы обратили пристальное внимание на исключительно богатые природные ресурсы и теплый, благоприятный для земледелия климат Кавказа. Признание Османской империей прав России на Кабарду, ранее формально считавшейся вассалом султана (на самом деле бывшей совершенно независимой), давало повод царской администрации распространить власть на весь Центральный и часть Восточного Кавказа, так как многие населявшие его народы были вассалами кабардинских князей.

После опустошения ногайских степей и подавления после восстания Е. Пугачева 1773 – 1775 гг. последних очагов казачьей вольницы на пути дальнейшего продвижения рубежей России на юг оставались коренные народы Северного Кавказа, населявшие обширные степные территории между Доном и Черным морем (адыги) и всю предгорно-горную полосу Кавказа.

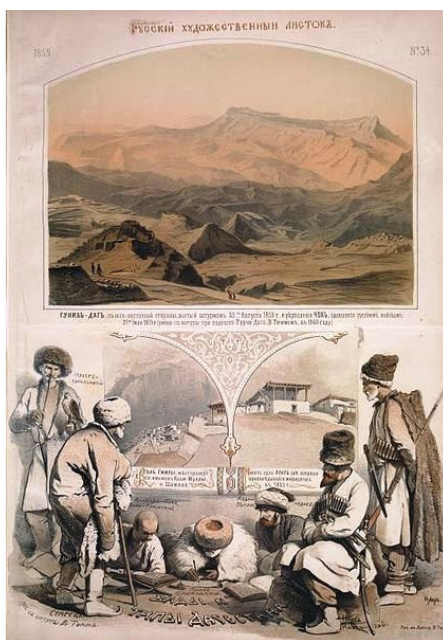
Поначалу администрация Новороссии не воспринимала коренных кавказцев как слишком серьезного противника. К почти не имевшим своей государственности, письменности и экономической мощи народам, у которых сохранялись многие традиции родоплеменного строя, пережитки языческих верований, просвещение в основном находилось на самом примитивном уровне, а жилища знатных людей отличались от жилищ простого люда лишь немного большими размерами, никакая колониальная держава серьезно не относилась. Правящая элита России еще не была знакома с отчаянным менталитетом со времен монгольского нашествия привыкших насмерть отстаивать свою свободу кавказцев, их превосходной оборонительной тактикой и высокой мобильностью населения.

Российские стратеги не учли и того, что у подавляющего большинства народов Северного Кавказа не было единого правителя, с приведением которого к покорности покорились бы и остальное население. В основном же каждая сельская, родовая община считала себя независимой, управлялась по своим неписаным обычаям (адатам), ничем не считала себя обязанной другим общинам, и мирный договор с населением одного района не гарантировал безопасности от людей, живших в пяти – десяти верстах отсюда. Территории между селениями и хозяйственными угодьями разных обществ были нейтральными, где не действовали никакие законы или обычаи. Часто общины враждовали между собой за пастбища и дороги, и человек, отправившийся путешествовать далеко от своего селения, при этом не заручившись дружбой (куначеством) с кем-то из земель, по которым проезжал, рисковал быть захваченным в плен и обращенным в рабство. Работоторговля была сущим бичом Северного Кавказа. Оттуда нескончаемым потоком шли караваны невольников в Османскую империю и Иран; продавали пленников, захваченных в ходе набегов на враждебные селения, неосторожных путников, не зару-

чившихся в чужой земле куначеской поддержкой, главы семейств продавали своих красивых девушек, задавленные нуждой родители (большинство кавказского населения из-за частых военных тревог и ограниченности сельскохозяйственных угодий в горной местности жило бедно) продавали своих малолетних детей. Без кинжала кавказские мужчины не выходили с собственного двора, а за пределы селения выезжали не иначе как с ружьем и надежным запасом патронов.

Возвращение лезгин из набега. Д. Кеннан (1845—1924)

Виды и типы Дагестана. В. Ф. Тимм (1820 – 1895). Русский листок

Начало сопротивления кавказских народов

Вид на Машук и Бештау. П. С. Паллас. «Замечания о поездке в южные владения Российской империи в 1793 и 1794 годах». Leipzig: Bey Gottfried Martini, 1799

Первые же попытки установить среди коренного кавказского населения российские порядки и прямое военно-административное управление вызвали его активное противодействие. В ответ царское командование просто прибегло к полному очищению присоединенных территорий от непокорных жителей. Так, вскоре после возведения в 1780 г. в Пятигорье крепости Константиногорской (современный Пятигорск) на реке Подкумок в окрестностях были сожжены российскими войсками почти все кабардинские селения, а уцелевшие жители переселились в глубину Кавказских гор. К началу XIX в. Пятигорье практически полностью было очищено от исконного населения и заселено казаками. С 1803 г. на нем были открыты первые и долгое время остававшиеся единственными на Северном Кавказе курорты, куда чуть ли не весь высший свет Российской империи съезжался на летний отдых поправить здоровье минеральной водой (нарзаном, от кабардинского «нартсан – вино предков»), а главное – посмотреть на невиданной еще для россиян высоты горы, будто подпирающие небо.

Постоянно подливали масла в огонь, усиливая быстро нараставшую враждебность между русскими и коренными кавказцами, сильные различия в менталитете и взаимное непонимание обычаев друг друга у русских поселенцев и исконного населения. Русским сильно досаждал древний кавказский обычай воровства скота у других общин, являвшийся пережитком первобытных представлений об обобществлении хозяйства. По представлениям кавказских народов ловкий человек, умеющий обмануть сторожевых собак и незаметно увести скотину у пастухов, считался более достойным, чтобы владеть ею. Однако вор, которого застали с поличным, должен был безоговорочно вернуть все взятое оказавшимся более бдительными хозяевам. Русские поселенцы же рассматривали воровство как низкое и злостное преступление, реагируя на него соответствующим образом, что постоянно приводило к трагедиям и озлоблению с обеих сторон.

Ян Потоцкий, польский путешественник, в 1797 г. посетивший Северный Кавказ, приводит ряд услышанных им в русских крепостях историй. В частности, о том, как казаками был схвачен попытавшийся угнать у них лошадей адыгский князь и подвергнут двумстам ударам палкой по стопам ног. Когда возмущенные таким оскорбительным для них актом адыги потребовали от казачьей общины извинений, уже собирая войско для возмездия, казаки ответили, что проучили только вора, а к самому князю они питают величайшее почтение. Также описывается случай, когда после основания в 1784 г. на осетинских землях русской крепости Владикавказ, русскими был схвачен по обыкновению промышлявший там воровством ингуш, которого засекли до смерти. Руководствуясь древним кавказским обычаем мести брат незадач-

ливого вора принялся регулярно устраивать засаду возле крепости и расстреливать отошедших от нее русских солдат, пока не перебил восемнадцать военнослужащих, в том числе трех офицеров. Убитым мститель отрубил уши и принес их в качестве жертвы на могилу брата.

Однако первые годы выступления кавказских народов против усиливавшегося военно-колониального давления России носили большей частью эпизодический, стихийный и разрозненный характер, поэтому легко подавлялись российской армией. Российские стратеги быстро увидели выгоду в политической разрозненности кавказцев, часто вспыхивавшие вражду и недоверие не только между разными народами, но и даже между разными родовыми и племенными общинами одного народа. По этому поводу в 1771 г. Екатерина II писала начальнику Азово-Моздокской Линии генералу И. де Медему: *«Разномыслие между горами облегчит наше предприятие. На это и денег не жалеть»*.

Следуя официальной российской политике, царская администрация на Кавказе предприняла попытки обращения его коренного населения в христианство, для чего в Моздоке был учрежден так называемый «духовный комитет». Однако народы Северного Кавказа в то время уже в подавляющем большинстве исповедовали ислам и не восприняли христианского вероучения; только среди осетин, большинство которых уже исповедовало христианство православного толка, укрепились позиции Русской Православной церкви.

В исповедании ислама кавказские народы в конце XVIII в., наоборот, быстро укреплялись. Ислам принимали последние остававшиеся еще на Кавказе приверженцы древних языческих верований, а мусульмане более глубоко проникались верой, оставляли по привычке еще стойкие в народе языческие культовые традиции, все больше внедряли предписания шариата – мусульманского религиозного закона, в свой быт. Простая своими догмами и проповедовавшая равенство всех мусульман перед законом религия стала находить широкий отклик среди рядового кавказского населения, в ту пору начинавшего испытывать угнетение со стороны своих феодалов в связи с усилением экономического влияния тех. Центрами распространения ислама на Северном Кавказе были Черноморское побережье, откуда вглубь адыгских земель отправлялись проповедники из Османского Халифата, и Дагестан – наиболее культурно развитая северокавказская область, население которой исповедовало ислам еще со времен арабских походов VII – VIII вв., а молодежи, в отличие от других земель, было доступно общее исламское образование.

В 80-е гг. XVIII в. на Восточном Кавказе широкую известность приобрели призывы получившего образование в Дагестане молодого проповедника из чеченского селения Алды Мансура Ушурмы. Это был человек совершенно незнатного происхождения, кроме того, очень молодой, чтобы претендовать на роль вождя, однако редкий для Северного Кавказа уровень религиозного знания стал причиной того, что его речами заслушивались разные народы, исповедовавшие ислам. Мансур призывал мусульман Кавказа окончательно и бесповоротно оставить пережитки языческих культов и не соответствующие исламскому закону обычаи, а также прекратить всякую вражду между собой, в том числе оставить обычай воровства, и жить единым обществом, управляемым по шариату.

Первоначально его проповеди не носили выраженного антироссийского характера, однако идея религиозного братства и объединения стала находить широкий отклик в сердцах разных народов, так как мусульманское население в этом стало видеть серьезный противовес колониальной экспансии России. Учение Мансура пересказывалось из уст в уста в Чечне, Ингушетии и Дагестане, среди осетин-мусульман и кабардинцев, уцелевших от истребления ногай-

цев, переселившихся в горы и принявших ислам терских казаков (в то время были и такие). Назревавшее объединение кавказских народов, тем более на основе исламского вероучения (то есть, они становились потенциальным союзником Османской империи), не могло не встревожить российские власти. Служивший в то время на Кавказе русский офицер сообщает в своих записках, что Мансур *«проповедует слияние всех враждующих племен Кавказа в единый народ – царство пророка (т. е. Мухаммада, – З.Я.)»*. К тому времени на Северном Кавказе существовало свыше тридцати русских поселений с общим количеством жителей около 30 тыс. человек. В 1785 г. Екатерина II учредила кавказское наместничество; первым императорским наместником на Кавказе был назначен П. Потемкин, ставка его находилась в крепости Екатериноград (сегодня – станица Екатериноградская в Кабардино-Балкарии).

Чтобы пресечь дальнейшее распространение идей исламского единства на Кавказе, российское командование в начале июля 1785 г. направило в родное селение Мансура Алды военную экспедицию под командованием полковника де Пиери. Основной силой экспедиции был Астраханский пехотный полк, усиленный батальоном Кабардинского егерского (стрелкового) полка, двумя гренадерскими ротами Томского пехотного полка (что-то вроде сегодняшнего спецназа) и сотней терских казаков. Целью ее был захват или убийство Мансура. Однако население Алдов заблаговременно оказалось предупреждено дружившим с местными чеченцами казаком (сказались столетия тесного соседства терских казаков с исконным кавказским населением), большинство жителей селения, в том числе сам Мансур, покинули свои дома и укрылись в лесах. Заняв село, отряд де Пиери сжег его и перебил немногочисленных оставшихся там жителей, после чего двинулся на розыск сбежавших.

В то время равнинные чеченцы недавно освободились от феодального господства кабардинских князей и кумыкских шамхалов, поэтому не слишком хорошо были известны российской администрации. У русских поселенцев на Кавказе представление о чеченцах и близкородственных им ингушах ассоциировалось с удручающей нищетой. Равнинные земли Чечни и Ингушетии в тот период из-за своей засушливости мало подходили для земледелия, в горах же густо росли леса, сокращавшие площади, подходящие для выпаса скота, а высокогорные пастбища были пригодны для использования только летом. Время от времени на Чечню продолжали совершать грабительские набеги князя соседних народов, что, конечно, тоже не способствовало интенсивному развитию хозяйства. Периодически чеченцев посещал настоящий голод, от которого умирало население. В условиях хозяйственной нестабильности у чеченцев и ингушей не сформировалось выраженной знатной прослойки, зато особенно сильно консервировались родоплеменные отношения, связанные с важностью коллективного труда и производства. Несмотря на тоже развитый патриархальный уклад жизни, у чеченцев и ингушей отсутствовало собственническое право главы семейства на детей: каждый мужчина, способный носить оружие, в первую очередь должен был подчиняться возглавляемому старейшинами роду, и имел право по своему усмотрению покинуть родительский дом. Подавляющее большинство чеченцев и ингушей жило бедно, пользуясь лишь весьма скудным натуральным хозяйством; в Чечне не было своих князей и, соответственно, грозных княжеских дружин.

Российское командование не знало в полной мере об исключительном воинском искусстве чеченцев, которые в условиях тяжелой бедности были вынуждены постоянно отражать набеги соседних феодалов. В партизанской и полупартизанской тактике чеченцам и ингушам не было равных на Кавказе, и они, восполняя потери в хозяйстве, сами часто совершали дерзкие стремительные набеги на кабардинские и дагестанские владения. Не имея большого количества материальных ценностей, чеченцы, кроме того, крайне ценили свою независимость и,

едва освободившись от господства соседних правителей, считали всякую власть выше власти своей родовой общины злом и пороком.

Разыскивая скрывшихся из селения жителей, экспедиция де Пиери без особой опаски принялась обшаривать лесистые ущелья в ближних горах, где войскам невозможно было даже развернуться в правильном боевом порядке. И здесь весь отряд попал в организованную чеченцами засаду, возглавляемую лично Мансуром. В завязавшемся жестоком бою погибло абсолютное большинство солдат и казаков, включая самого полковника де Пиери. Оставшиеся в живых сто шестьдесят два человека попали в плен чеченцам, в том числе ставший позже знаменитым военачальником грузинский аристократ П. Багратион. Также чеченцы захватили две пушки. Со времени начала активной российской колонизации Кавказа это было первое серьезное поражение русских войск, которым до того обычно сопутствовал успех.

Движение шейха Мансура

Разгром крупных сил российской армии под чеченским селением Алды небывало воодушевил все мусульманские народы Северного Кавказа. В те годы не было среди них человека авторитетнее Мансура Ушурмы, которого впоследствии уважительно стали называть шейхом, то есть, духовным вождем. Чеченцы же дали ему титул «эвлиях» – от арабского «аулия – праведники, угодники». Для кавказцев стало очевидно, что русские войска не являются такими уж непобедимыми, как казалось раньше, и убедительно, что объединенными силами разных народов над ними можно одержать верх.

Мансур активно продолжал свою проповедническую деятельность, рассылая письменные воззвания в разные северокавказские земли, призывая народы оставить все обычаи, противоречащие исламу (сословные различия, пьянство, воровство, разбои), объединиться на основе законов шариата и единым фронтом выступить на борьбу с общим врагом – немусульманской Россией. В то время, когда российская администрация на Кавказе не делала особых различий между классами коренного населения (князья жили не намного богаче своих подданных, были, как правило, не более и образованны, жизнь их была окутана мистическими представлениями и обрядами), от агрессивной военной политики Петербурга и Новороссии страдали в равной степени и простой народ, и знать. Поэтому среди последователей учения Мансура оказалось много кавказских феодалов – давнишних врагов чеченцев. Идеи единого объединения и избавления от военно-колониальной экспансии России стирали все прежние обиды и предвзвешивания между кавказскими народами.

Своим духовным лидером и наставником простого чеченца признала и кабардинская знать, наиболее влиятельным из которой был князь Доля Мударов. О готовности выступить едиными силами против российской колонизации заявили князья, вожди и старшины Кумыкии (феодалы Чепаловы Али Султан и Хаджи-Муртазали), мусульманской части осетин (вождь по-фамилии Дударов), еще формально относящейся к Османскому Халифату, но уже время от времени терпевшей вылазки русских отрядов некабардинской Адыгеи (князь Мухаммед Герай Зан), мурза уцелевших от истребления в 1783 г. ногайцев по-фамилии Мансуров. Войска знати, с детства учившейся только военному искусству, у большинства кавказских народов составляли ведущую ударную силу и являлись исключительно грозным противником, в прошлые века не раз останавливавшим и даже наголову разбивавшим известные своей мощью армии крымских ханов.

15 июля воины Мансура осадили старую русскую крепость Кизляр в низовьях Терека, откуда оказывалось военное давление на ногайцев и кумыков, однако нехватка артиллерии не позволила кавказцам взять ее. 29 июля 1785 г. мощное объединенное войско народов Кавказа снова во главе с самим Мансуром атаковало приграничное с землями адыгов российское укрепление Григорополиское (сегодня – станица Григорополисская в западной части Ставропольского края). Стремительный натиск с детства воспитанных в воинских традициях кавказских мусульман оказался настолько сокрушительным, что гарнизон укрепления был вынужден оставить его и отступить на другие опорные пункты Азово-Моздокской линии. Естественно, такая невиданная до сих пор победа кавказцев над российскими силами еще больше воодушевила коренное население. Стали даже ходить слухи, что оружие гауров, как на Кавказе (от арабского «кафир – отрицающий (ислам)») называли немусульман, не может причинить мусульманскому вождю вреда. 19 – 21 августа кавказские воины снова осаждали Кизляр.

Конвой в Кизлярской степи Г. Г. Гагарин (1810 – 1893)

30 октября сражение между русскими войсками и объединенными силами кавказских народов произошло на границе земель Малой (Западной) Кабарды. 2 ноября в районе кабардинского селения Татартуп потерпела поражение и отступила российская карательная экспедиция. Однако поначалу обескураженное неожиданно мощным сопротивлением народов, до сих пор воспринимавшимися им полудикими и культурно ущербными, российское командование стремилось как можно скорее нарушить складывавшееся единство северокавказского населения.

В тот период большинство этносов Северного Кавказа находилось на социально-политической стадии перехода от древнего родоплеменного строя к феодальному. Князья и бывшие их главной опорой дворяне, в русских источниках того времени называемые узденями, сосредотачивали в своих руках все больше власти и богатства, в их интересах начинали изменяться веками устоявшиеся народные обычаи. И в прошлые времена знатные люди, занимавшиеся почти исключительно военным делом, тренировались, угоняя скот у своих же подданных, однако теперь княжеско-дворянские набеги на простой народ стали переходить все границы и имели негласной целью довести простолюдинов до имущественного разорения, вынудить их полностью подчинить себя знати за помещичье довольство. Число свободных общинников сокращалось, увеличивалось число крепостного люда. Избыток крепостных, которых трудно было содержать, феодалы продавали в рабство на торговых дворах Черноморского побережья и Дагестана османским и иранским купцам. Усиление феодальной эксплуатации вызывало активное противодействие трудового населения. Народные старшины на публичных собраниях требовали от знати прекратить произвол и нарушение древних обычаев, угрожая выходом простого народа из повиновения (народное ополчение составляло большую часть возглавляемого князем войска, и знатные всадники, хотя выполняли роль главной ударной силы, без поддержки простых воинов не могли предпринимать серьезных военных походов). Обездоленные по вине феодалов простолюдины часто уходили из общины, скрывались в лесах и мстили, угоняя скот у знатных людей, убивая дворян из засады.

Наместники императорской России, где дворянство давно было безраздельно господствующим классом, и государственная стабильность базировалась на безоговорочном повиновении простого народа помещикам и царским чиновникам, в этом отношении быстро нашли с кавказскими феодалами общий язык. Теперь, когда выявились отчаянность и превосходное боевое искусство кавказцев, о быстром приведении всего северокавказского населения к покорности нечего было и думать. Поэтому представители российского наместничества на Кавказе начали вступать в активные переговоры с местной знатью, фактически признав ту достойной диалога и какой-никакой, но элитой общества. В обмен на присягу верности российской импе-

ратрице или хотя бы нейтралитет в войне с вдохновленными Мансуром кавказскими мусульманами знатным предводителям обещались богатые подарки и помощь русских войск в случае столкновений с собственным народом.

Усилия российской дипломатии в отношениях с кавказскими князьями не пропали даром: уже в следующем году прекратил сопротивление ряд феодалов, в том числе Доль Мударов, действия многочисленного и прекрасно подготовленного войска которого играло одну из решающих ролей в военных успехах движения Мансура.

Несмотря на определенные изменения в национально-религиозном сознании кавказцев, способствовавшие началу консолидации разных народов и племен, последователи Мансура не имели серьезной политической организации. Выступления против России разных вождей и общин носили добровольный характер, и далеко не все даже мусульманское население Северного Кавказа приняло в этой войне участие. Движение Мансура являлось по сути естественной реакцией дорожившего своей независимостью и воспитанного бесконечными военными тревогами населения на колониальное давление. Идеи Мансура лишь придали этой реакции идеологическое оформление, позволили разноплеменному населению поставить перед собой конкретные политические задачи: объединиться на признаваемом всеми религиозном законе, заручиться поддержкой еще считавшейся на Кавказе могущественной державой Османской империи. Поэтому внести в ряды сопротивлявшихся кавказцев раскол царским властям не составило особого труда. Дальнейшее наступление российских войск и поселений в земли коренных народов было приостановлено, но сама Азово-Моздокская линия никуда не исчезла, уже завоеванные позиции оставались под контролем императорского Кавказского наместничества.

Новый подъем антиколониального движения народов Северного Кавказа под предводительством Мансура наступил с началом в 1787 г. очередной русско-османской войны. В то время Османская империя считала своей частью земли западных адыгов, населявших тогда обширные территории между Доном, Черным морем и верховьями реки Кубань. Основанный еще в средние века на базе присяги разных мусульманских народов Ближнего Востока турецким султанам, Османский халифат, считая те или иные земли своей частью, руководствовался не столько территориальными границами или степенью реального контроля над ними администрацией султана, сколько религиозной принадлежностью их населения. До XV в. владения османских султанов ограничивались лишь малоазийской Турцией, но затем в ходе активных завоеваний под их руку перешли Балканский полуостров, бывшая столица Византийской империи Константинополь (по-турецки «Истанбул», в традиционном русском варианте Стамбул), куда султаны перенесли свою столицу, Ирак, Палестина, значительная часть Аравийского полуострова со священными для мусульман городами Мекка и Медина (в которых сам ислам зародился как религия), Северная и, отчасти, Восточная Африка, Западное Закавказье. На кавказском побережье Черного и Азовского морей османам перешли бывшие генуэзские (итальянские) торговые крепости. Султану принесли присягу верности и крымские ханы.

Османский султан признавался мусульманами-суннитами Халифом – духовным вождем всех последователей ислама, поэтому османское правительство – Порта, считало своими землями и Адыгею (Черкесию), большинство жителей которой исповедовало ислам. Это признавали и другие державы того времени, в том числе Россия. На самом деле адыги-мусульмане почитали султана лишь как своего духовного главу, совершенно не считая себя его подданными, а свои земли – землями османов (как правило, они даже не знали, что Порта рассматривает их страну как свою территорию). Черкесия представляла собой обширные степные,

лесостепные и горные земли, выходящие на юге на побережье Черного моря, разделенные между многочисленными феодальными владельцами и родоплеменными общинами, с населением, жившим исключительно по своим издревле сложившимся обычаям. Все «господство» османов над ней ограничивалось несколькими крепостями на Черноморском побережье, главной из которых была Анапа. За пределами этих крепостей, использовавшихся в основном как торговые дворы, османские законы уже не действовали. Периодически османские войска совершали походы вглубь адыгской земли, но только чтобы поддержать адыгов-мусульман в их столкновениях с еще не принявшими ислам сородичами. Однако когда на Северном Кавказе началось быстрое усиление позиций России, Порты не могла не вмешаться, потому что возможный выход России к Черноморскому побережью Кавказа ставил бы под угрозу ее владения в Закавказье и Турции.

В своем противостоянии с Россией османские представители стремились поднять на борьбу адыгские племена. Для этого они вступили в союз с Мансуром, который прибыл на Западный Кавказ с чеченским отрядом. Проповедуя исламское единство, Мансур призвал адыгов поддержать своих единоверцев-османов и выступить против общего с ними врага – России, при их военной поддержке. Адыги в то время только недавно утвердились в исламе, среди них особенно были распространены пережитки древних языческих верований, и мусульманская сознательность у них была ниже, чем у чеченцев или дагестанцев. Османская администрация старалась сделать все, чтобы поднять их религиозное самосознание и не допустить возможного сближения с российскими властями, так как османские гарнизоны на Северном Кавказе были немногочисленны и не могли бы без поддержки местного населения защитить Черноморское побережье от русской армии. Однако в большинстве адыги отнеслись к Мансуру и османам вполне благосклонно, чему способствовали частые приграничные столкновения между ними и русскими. При всей своей тогдашней невежественности адыгские предводители не могли не понимать, что вслед за ногайскими владениями, Кабардой, Осетией, Ингушетией, Чечней и Кумыкией российская военная колонизация обрушится и на их земли.

COSTUMES DES MONTAGNARDS CIRCASSIENS.

Черкесы. Шарль-Мишель Жоффруа (1819—1882)

20 – 22 сентября 1787 г. российские войска, рассматривая адыгскую территорию как часть (пусть саму по себе и не признающую этого) вражеской Османской империи, вторглись в земли адыгов между левыми притоками Кубани Лабой и Урупом. Адыго-чеченскому отряду удалось отразить наступление и перейти в ответную атаку на русскую крепость Прочный Окоп на ближнем участке Азово-Моздокской линии, однако оттуда объединенное кавказское войско было отброшено российской армией.

В октябре против сил Мансура в глубь гор верхнего бассейна Кубани выдвинулся мощный, хорошо подготовленный корпус под командованием генерала П. Текели. При всей высоте воинского духа и боевого искусства кавказцев те уступали российским силам не только числом, но и умением организованно взаимодействовать разными отрядами своего войска. Войскам П. Текели удалось нанести мусульманским ополчениям поражения в верховьях рек Большой и Малый Зеленчуки (территория современной Карачаево-Черкесской Республики). После этого вынуждено было принести присягу верности Екатерине II основное население этих мест – карачаевцы и абазины, ранее служившие кабардинским князьям.

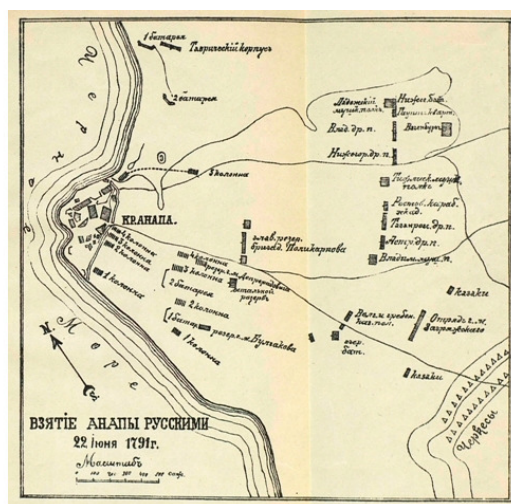
Зимой из-за свойственных Кавказу сырых холодных ветров и распутицы военные действия приостановились, но весной возобновились вновь. 16 апреля 1788 г. донские казаки под командованием войскового есаула А. Грекова разгромили союзное ополчение адыгов и ногайцев во главе с Шахин Гераем Султаном в верховьях реки Еи (северо-восток современного Краснодарского края).

25 августа русский рекогносцировочный отряд с целью разведки пути на османскую крепость Анапа вступил в болотисто-степные низовья Кубани, где разрушил несколько адыгских селений, убив около тысячи человек, захватив несколько десятков жителей пленными и несколько тысяч голов скота.

В 1789 г. османы начали усиленную концентрацию своих войск на Черноморском побережье Кавказа, рассчитывая организовать здесь плацдарм для наступления на Крым. Основные османские силы дислоцировались в прибрежных крепостях Анапа и Суджук-Кале (в районе современного Новороссийска). Мансур вступил в переписку со сражавшимися в это время с российскими войсками и союзными России отрядами тамошней знати повстанцами Сырыма Датова в Казахстане. Его стремлением было, следуя религиозному закону, создать единый и организованный мусульманский фронт от Балкан, где действовала османская армия, до казахских степей, в который входил бы и Кавказ. Однако Казахстан был слишком удален от Кавказа, и скоординировать действия кавказских мусульман и казахских повстанцев не удалось.

Зимой 1789 – 1790 гг. российские войска под командованием генерала Ю. Бибикова начали наступление на Анапу, но потерпели поражение от союзных действий адыгских ополчений и османской армии. В июне и августе 1790 г. османский флот был разбит в Черном море и Керченском проливе российскими военно-морскими силами под командованием адмирала Ф. Ушакова, что сделало затруднительным сообщение османских гарнизонов на Северном Кавказе с внутренними базами Халифата. Понимая, что планы по захвату Крыма сорваны, османское командование решило открыть широкий фронт против России на Кавказе. Из Анапы в дальний поход на центр Азово-Моздокской линии у кабардинских земель выдвинулся 25-тысячный османский корпус под командованием сераскира (высший военный чин) Баталпаши, усиленный кавказскими ополчениями во главе с Мансуром. Однако такая дальняя экспедиция для не знавших местность и нравы местных жителей османских солдат, по стране, где на каждые десять километров приходился свой независимый правитель, не считавший себя связанным никакими чужими законами, выглядела во многом авантюристичной. Часть адыгских феодальных владетелей не пожелала втягиваться в опасную войну с Россией и не оказала проходившим по Адыгее османам никакой поддержки. А когда корпус вошел в горы верховий Кубани, чтобы оттуда наступать на российские укрепления в Кабарде, по требованию русского командования его атаковали три года назад присягнувшие императрице абазины.

Пока османы и ополченцы Мансура с трудом преодолевали тяжелый путь по вольному бездорожью кавказской земли и отбивали нападения выказавших враждебность горцев, российские войска на линии успели подготовиться к отражению османского похода. Османская армия, которую кавказские мусульмане наивно считали сильнейшей в мире, уже далеко отставала по организации и боевой тактике от армий европейских держав, в том числе российской. 28 сентября войска Батал-паши и Мансура вышли, наконец, к Кубани, по которой проходила российская граница, при впадении в нее реки Малый Зеленчук. 30 сентября османы и воины Мансура были окружены заранее знавшими об их месторасположении российскими войсками под командованием генерал-майора И. Германа. Понеся большие потери, османокавказское войско смогло вырваться из окружения и отступить, но сам Батал-паша со своей свитой оказался захвачен в плен русскими. После бесед с российским начальством он присягнул на верность Екатерине II и сам поступил на российскую военную службу. В его честь даже было названо возведенное у места поражения его корпуса русское укрепление Баталпашинское. Вскоре вокруг укрепления выросла казачья станица Баталпашинская (современный город Черкесск). Остатки османского корпуса и Мансур с воинами возвратились в Анапу.

Карта сражения при взятии османской крепости Анапа. Из книги В. Зимина «Падение крепости Анапы» (издание 1900 г.)

В июне 1791 г. российская армия под командованием генерала А. Гудовича начала новое наступление на Анапу. 22 июня в ходе жестокого и кровопролитного штурма главный опорный пункт Османской империи на Северном Кавказе был взят; Мансур получил ранение и попал в плен. Через три года он умер в заточении в Шлиссельбургской крепости под Санкт-Петербургом, либо в Соловецком монастыре на островах в Белом море (Архангельская губерния). Пленение Мансура стало сильным деморализующим ударом по кавказским мусульманам. Объединенное сопротивление наступлению России на Северном Кавказе вскоре угагло, антиколониальные выступления вновь приобрели кратковременный, локальный характер.

В то же время движение Мансура показало российскому командованию, что распространять императорскую власть на Кавказе одной грубой силой слишком самонадеянно. С этого времени, не прекращая военных операций, Кавказское наместничество начало активно вступать в переговоры с кавказскими вождями, прежде всего феодальной знатью, предлагая тем принять российское подданство на взаимовыгодных условиях. Эта стратегия особой надежностью не отличалась: свободолюбивые кавказские аристократы обычно не были долго верны

присяге, однако такая дипломатия позволяла вполне успешно расстраивать антироссийские союзы кавказских племен и народов. Предгорно-горная полоса Северного Кавказа оставалась независимым краем, не подчинявшимся никаким законам, кроме своих неписаных обычаев; ее население не платило податей в российскую императорскую казну, не пускало на свою территорию российских чиновников и купцов, в основном враждебно относилось к России. Постоянные союзы с Россией адыгских князей прошлых веков с исчезновением общего врага – Крымского ханства, были преданы забвению.

Историческая роль Мансура и его проповедей заключается не только в приостановлении российской колонизации центральных и восточных районов Северного Кавказа и некотором вынужденном изменении стратегии царской России в этом регионе. Решительное влияние деятельность Мансура оказала на религиозное и, как следствие, общественное самосознание мусульманских народов северокавказских земель. Отличаясь, безусловно, незаурядным умом и политической дальновидностью, удивительной для жителя страны, население которой в основном в то время фактически находилось еще в социокультурном состоянии варварства, Мансур своими воззваниями побудил представителей различных этносов серьезнее относиться к своей религии и заключенным в ее учении общественным ценностям. Разные народы и разные социальные группы начали проявлять взаимную солидарность по религиозному признаку; постепенно теряли распространение веками создававшие на Кавказе тревожную обстановку обычаи воровства, грабительских набегов, разбои на дорогах. Мансур заложил тот общественно-религиозный фундамент, на котором развивалось сопротивление кавказцев российскому колониализму впоследствии, и на котором было основано первое в истории единое государство народов Северного Кавказа – Имамат Шамиля. Именно с распространения исламских начальных школ уже в XIX столетии началось первое системное просвещение северокавказского населения. Чеченцы до сих пор признают Мансура одним из своих величайших национальных героев, его имя окружено в чеченской национальной среде высоким почетом.

Шейх Мансур на картине художника Руслана Хасханова (публикуется по личному разрешению художника, за что автор книги искренне ему благодарен)

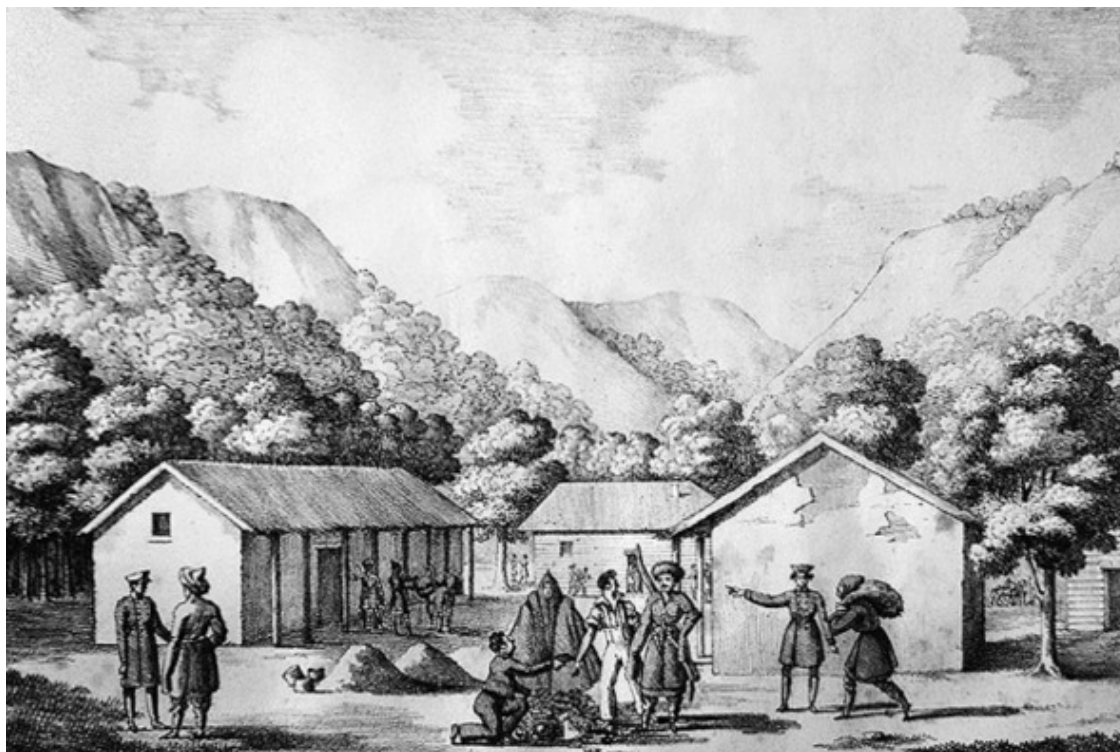
В 1792 г. в молдавском городе Яссы между Россией и Османской империей был заключен мирный договор, согласно которому султан уступал России ряд османских территорий, в том числе населенные адыгами земли между Доном и Кубанью. То, что адыги не считали себя османскими подданными, конечно, в то время никого не могло интересовать, так как в международной политике считались только с едиными, сильными державами.

Участь адыгов Кубано-Приазовской низменности, большинство которых ясно выказало свою враждебность к России, была плачевна: нуждаясь в надежном контроле над вновь присоединенными землями, Екатерина II передала богатые злачными степными пастбищами территории между Доном и Кубанью запорожским казакам. Запорожское войско тогда как раз было упразднено в связи с тем, что граница между Россией и Османской империей в то время отодвинулась далеко на юго-запад – в глубь Молдавии, и держать казачьи части на Украине российскому командованию не было смысла. Желавшим сохранить традиционный быт и не платить податей запорожским казакам было предписано выселиться с Украины на Северо-Западный Кавказ. Запорожские казаки под новым названием черноморцев (первоначально им предоставлялись земли у черноморского побережья Украины) стали заселять Северное При-

кубанье, при этом бесцеремонно захватывая хозяйственные угодья адыгов и вытесняя местное население из привычных мест. После поражений своих основных сил в минувшие годы приазовские адыги уже не могли оказать новым хозяевам своих земель успешного организованного сопротивления и массово стали переселяться за Кубань, где жили их сородичи, и где территория формально признавалась еще частью Османского Халифата. Последние адыгские общины переселились с правобережья Кубани в начале XIX в. По реке Кубань казаками и российскими регулярными войсками была выстроена новая укрепленная линия – Кубанская, возле кабардинских земель соединявшаяся с Азово-Моздокской. Ее главным опорным пунктом стала основанная в 1793 г. крепость Екатеринодар (современный город Краснодар). Теперь под полным контролем России оказалось более половины всей территории Северного Кавказа, но предгорья и горы, в которых местное население прекрасно могло организовывать свою оборону, а российские войска не могли действовать в привычном европейском боевом порядке, оставались независимыми землями.

После переселения приазовских адыгов к своим сородичам – адыгам Закубанья, все коренное население Северного Кавказа было сосредоточено в предгорно-горной полосе и равнинах, прилегающих к предгорьям, поэтому вскоре все исконные народы в российских документах стали называться горскими или просто горцами.

Российские власти отнюдь не собирались отказываться от полного присоединения к России оставшейся части Северного Кавказа (по крайней мере, которую признал за Россией османский султан) и установления через горы надежной связи с вступившим в российское подданство Грузинским царством. Однако в виде необыкновенно ожесточенного сопротивления местных народов царская администрация столкнулась с неожиданными проблемами, надежно преодолевать которые пока не научилась. За начавшимися на рубеже XVIII – XIX вв. тревожными международными событиями, наполеоновскими войнами в Европе петербургский двор отодвинул вопросы расширения границ империи на юг на второй план. Далее вплоть до победы над Наполеоном ситуация на русско-кавказском фронте оставалась довольно стабильной. Российские войска время от времени совершали походы в ближние к Азово-Моздокской линии кавказские селения с целью привлечь их жителей к покорности, горцы совершали локальные нападения на русские поселения и заставы. Отдельные кавказские общности приносили присягу верности России, затем вновь выходили из нее. Крупных военных столкновений не происходило, в стратегии Кавказского наместничества ничего существенно не менялось.

Товарообмен между русскими и горцами XIX век Литография ГИМ

В мирные дни горцы и русские поселенцы свободно торговали между собой на меновых дворах при русских крепостях; русские продавали горцам хлеб, соль, ткани, горцы русским – овечью шерсть, мясо, молочные продукты, знаменитое кавказское холодное оружие. Никогда нельзя было с точностью предсказать, какими будут отношения между русскими и конкретной кавказской общиной завтра: решения о наступлении на горские селения принимались не простыми обывателями, а в штабе кавказского наместника за семью дверями, и у горцев был переменчивый нрав, в сложившихся условиях любое недоразумение могло спровоцировать народ на вооруженное выступление. Поэтому, хотя многие публицисты, особенно кавказские, считают движение Мансура уже началом Кавказской войны, согласно общепринятой точке зрения на рубеже XVIII – XIX вв. эта война еще не началась. Это была лишь предыстория войны, из которой в XIX в. и вытек тот широко известный в разных странах мира многолетний вооруженный конфликт, принесший немало вдохновения классикам русской литературы и неисчислимые бедствия всем народам, в нем участвовавшим.

Что касается России того времени, то до 1860 г. в ней еще не было историографического названия «Кавказская война». Военные действия против народов Северного Кавказа назывались просто «покорением Кавказа», и официальные лица обычно рассматривали отдельные крупные эпизоды этой войны, так или иначе являвшейся единым целым, как частные конфликты, просто непрерывно следующие один за другим.

Политическая обстановка на Кавказе к 1813 году

После взятия в плен шейха Мансура и вытеснения черноморскими (запорожскими) казаками приазовских адыгов за Кубань вплоть до начала XIX в. на Северном Кавказе наблюдалось относительное затишье. Как уже говорилось ранее, в мирные дни в русских крепостях и казачьих станицах, на базарах и ярмарках шла активная торговля между русскими поселенцами и местными жителями. К тому же между казаками и горцами, как и в прежние времена, часто завязывались тесные дружеские отношения (куначество), заключались смешанные браки. В случае военного конфликта кунаки с обеих сторон могли сражаться с соплеменниками друг друга, но старались избегать своей непосредственной встречи на поле боя.

Обстановка на Северном Кавказе резко обострилась после русско-османской войны 1806 – 1812 гг. и русско-иранской войны 1804 – 1813 гг., в ходе которых Россия прочно закрепилась в Грузии и Северном Азербайджане. Самоуправляющееся Грузинское царство было упразднено, грузинские земли превращены по статусу в обыкновенные российские провинции с общероссийской системой управления. Из русской крепости Владикавказ на реке Терек в бывшую столицу Грузинского царства (а теперь – центр Тифлисской губернии) Тифлис (Тбилиси) через высокие горы по глубокому Дарьяльскому ущелью и Крестовому перевалу была проложена Военно-Грузинская дорога. Она служила в основном для переброски войск из основной части России в Закавказье и являлась единственным проходом, через который русская армия могла тогда преодолеть стену гор Большого Кавказа, так как пролегла большей частью по землям исповедовавших православную религию, а потому более лояльных к России, чем другие горцы, осетин-иронцев.

После присоединения к России Закавказья большая часть предгорно-горной полосы Северного Кавказа оказалась в глубоком российском тылу, но при этом горцы, привыкшие к своему традиционному родоплеменному и раннефеодальному укладу жизни, продолжали упорно отказываться присягать на верность русскому императору. В сильной государственной власти, которую устанавливала на присоединенных территориях Россия, они видели посягательство на свою личную свободу и обычаи, установленные их предками, к которым на Кавказе издавна было развито высокое почитание, порой граничащее с поклонением.

После победы России в завершившейся взятием российскими войсками Парижа тяжелой и кровопролитной войне с державшим под своим контролем почти всю Европу Наполеоном в 1812 г. русская армия стала считаться сильнейшей в Европе. Опираясь на традиционные отвагу, исполнительность и преданность государю и родной державе русских солдат, российские военные специалисты в то же время перенимали у наполеоновской армии новейшие тактические достижения, долгое время приносившие Наполеону его знаменитые победы. В частности, тактику наступления отдельными колоннами (вместо широких сплошных рядов, как раньше) при поддержке прицельного огня стрелковых цепей. После разгрома «короля Европы» Наполеона для продемонстрировавшей мировому сообществу свое могущество России было теперь делом чести быстро подавить все очаги непокорности императору на своей огромной территории.

По мирному договору с Ираном, заключенному 24 октября 1813 г. в крепости Гюлистан (Карабах), иранский шах признал владением России не только Северный Азербайджан, но и Дагестан – самую богатую и культурно развитую область на Северном Кавказе. Иран, прежде владевший городами-крепостями по западному побережью Каспийского моря, считал

Дагестан – область с высокими и крутыми горами на крайнем востоке Северного Кавказа, своей территорией. Однако уже давно не имел абсолютно никакого влияния на многочисленные дагестанские народы, как Османская империя – на адыгов. После тяжелого поражения от дагестанцев армии Надир-шаха Афшара еще в 1745 г. принадлежность занятой высокими и крутыми горными хребтами, выходящими к побережью Каспийского моря, страны к Иранской империи была лишь номинальной. Сами дагестанцы никогда себя подданными шаха не считали, однако в колониальную эпоху политическое самосознание народов, у которых не было развитой государственности, передовыми державами всерьез не воспринималось. Соответственно, после формального заверения шаха, что отныне Дагестан принадлежит России, у русского императора был повод распространить активную колониальную политику и на крайний восток горной полосы Северного Кавказа.

Дагестан. Скала Хунзах в Аварии. Г. Г. Гагарин

Следует отметить, что Дагестаном в то время назывались только населенные разными, хотя близкими по культуре, народами горные районы между Каспийским морем и Чечней. Также некоторые авторы XIX в. отдельно выделяют Лезгистан – область расселения лезгин по обеим сторонам от Главного Кавказского хребта в его самой восточной части. Современная Республика Дагестан включает в себя как историческую территорию Дагестана, так и большую часть бывшего кумыкского шамхальства, и населенные ногайцами степные равнины с дельтой Терека до низовья реки Кума.

Развернуть действия против Дагестана Россию побуждало и то, что на его территории, защищенное скалистыми горными кручами, располагалось сильнейшее из его племенных государственных объединений – Аварское ханство, совершавшее периодические крупные набеги на Грузию и в прошлом – до присоединения последней к России, бравшее дань с некоторых северных грузинских областей. Как государство оно было весьма примитивно, но свойственные аварцам, как и всем горским народам Кавказа, традиционные мужество и превосходное воинское искусство, делало его грозным противником для соседей. Российским стратегам было важно нейтрализовать аварских ханов как угрозу грузинским подданным русского императора и самому российскому влиянию в Грузии.

Принять меры по немедленному приведению кавказских горцев к покорности российские власти побуждали и внутривосточные причины. После заграничного похода рус-

ской армии в 1812 г. российское дворянство, из представителей которого состоял армейский офицерский контингент, близко познакомилось с французскими революционными идеями и начало задумываться о возможности их реализации в России. Так в связи с развитием просвещения и буржуазных отношений в экономике в России начал обозначаться близкий кризис традиционного самодержавия – пока что только идеологически. Однако понятно, что император и руководящая бюрократия не были в восторге от распространения среди российского правящего класса – дворянства, критики исторически сложившегося монархического строя. Наличие в пределах Российской империи населения, которое не признает царской власти и веками живет по своим законам безо всяких самодержавия и бюрократии, могло быть использовано революционно настроенными дворянами как доказательство возможности народа жить без монархии.

Дагестан. Тилитлинская гора (Седло-гора), село Гоготль. Г. Г. Гагарин

Начало стратегического наступления А. Ермолова

Один из главнокомандующих российской армии на фронтах Отечественной войны 1812 г. генерал Алексей Ермолов писал императору Александру I: «*Горские народы примером независимости своей в самих подданных Вашего Императорского Величества порождают дух независимый*». В 1816 г. он был императорским приказом назначен командиром дислоцировавшихся на Кавказе российских войск – Отдельного Грузинского корпуса (в 1820 г. переименован в Отдельный Кавказский корпус, а в 1857 г. – в *Кавказскую армию*) и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. Власти Российской империи и русское дворянство возлагали на него большие надежды как на одного из самых выдающихся героев войны с Наполеоном и, вообще, человека исключительно ответственного, решительного и жесткого. Это отражено в знаменитых строках поэмы А. Пушкина «Кавказский пленник»: «...*Смирись, Кавказ: идет Ермолов*». Должности, на которые А. Ермолов был назначен Александром I, фактически давали ему неограниченные властные полномочия на всей подконтрольной России территории Кавказа – *Кавказском крае*. Некоторые русские дворяне даже называли его «проконсулом Кавказа» (проконсул – наместник обширной провинции в Римской империи), а в части популярных современных изданий его до сих пор ошибочно называют царским наместником на Кавказе, хотя должность кавказского наместника была упразднена в 1796 г. (снова введена в 1844 г.).

В октябре 1816 г. А. Ермолов прибыл в крепость Георгиевск на *Кавказской линии* – так назывались объединенные Кубанская и Азово-Моздокская линии русских военных укреплений, ограждавших уже полностью подконтрольные России и заселенные казаками степные равнины от еще не покоренной предгорно-горной полосы Северного Кавказа. Укрепления Кавказской линии служили основным местом постоянной дислокации российских войск, которые вели борьбу против горцев. Долго не задерживаясь в Георгиевске, Ермолов выехал по Военно-Грузинской дороге в Тифлис, где установил свою резиденцию. Тифлис (Тбилиси) до 1917 г. оставался главным местом заседания российских императорских главнокомандующих и наместников на Кавказе.

Ознакомившись с обстановкой «на месте», Ермолов представил в Санкт-Петербург план окончательного покорения кавказских земель, которые Россия считала своими (земли закубанских адыгов Россия еще признавала владением османского султана). Убежденный в абсолютном тактическом и силовом превосходстве русской армии над горцами, генерал полагал, что установление полного контроля над крутыми горами Северного Кавказа будет делом трудным, но при ответственном подходе успешно завершится в течение нескольких лет. В качестве основной стратегии А. Ермолов предлагал строительство новых крепостей непосредственно в горной полосе, к которым от Кавказской линии для регулярной связи должны были прокладываться широкие просеки в горных лесах. Также в его планы входила усиленная русификация населения Кавказа, то есть, переселение на кавказские земли большого количества государственных крестьян из внутренних областей России. Они, полностью связанные с Россией этнически и религиозно, по плану Ермолова должны были стать здесь постоянной надежной опорой русского самодержавия. «*Кавказ только тогда станет русским, когда на нем поселятся русские люди*», – так обосновывал Ермолов данную стратегию.

В целом же по духу своей политики А. Ермолов был типичным военачальником колониальной эпохи, действовавшим по принципу «цель оправдывает средства». Северный Кавказ, согласно его воззрению, должен был превратиться в полноценную российскую провин-

цию с управлением, полностью подчиненным, как и по всей России, общегосударственному бюрократическому аппарату. Местное население же вынуждено было либо подчиниться, либо погибнуть. Принявшим подданство российского императора и покорных высочайшей воле горцев предполагалось достойно вознаграждать и со всей ответственностью способствовать улучшению их быта, содействовать их интеграции в российское общество. Тех же, кто сопротивляется, любыми методами, даже самыми отвратительными человеческому сознанию, необходимо приводить к покорности, ибо этого требует общее благо, благо родной державы. Позже Ермолов сам объяснял активно применявшиеся тиранические средства своего управления печальной необходимостью и указывал, что *«его душа плачет, когда он подписывает смертный приговор»*, но иного способа успешно воздействовать на непокорные народы Кавказа просто не существует.

В то время, являвшееся временем расцвета колониальной эпохи, высшей ценностью в сознании большинства жителей передовых держав были интересы своей страны, интересы своей нации, олицетворением которой в монархических государствах, как Россия, был император или король. Общество могло осуждать жестокие действия военачальников своего государства, присоединявших к нему новые земли (площадью территории измерялся сам престиж державы), но если итогом их было расширение пределов империи или иная государственная выгода, те все равно считались героями, верными слугами отечества. О справедливости захвата чужих земель как такового речь заходила редко: общество считало, что отношения с другими государствами и народами – дело исключительно главы государства, в крайнем случае – высших сановников, и тем и отвечать за свою политику перед Богом, а дело народа – повиноваться власти, пока она заботится о нем.

Первый удар по горской независимости А. Ермолов решил нанести не в Дагестане, хотя это была наиболее развитая в культурном и социальном отношении область на Северном Кавказе, а в Чечне. Там еще живо помнили предводительство Мансура, что особенно воодушевляло народ на сопротивление попыткам привести его под российскую императорскую власть. Кроме того, чеченцы в большинстве своем жили очень бедно: в прошлом частые грабительские походы соседних феодалов препятствовали широкому развитию у них земледелия, а большинство гор покрыто густыми лесами, что сокращало площади горных пастбищ для скота. Чтобы как-то выбиться из нищеты и уберечься от иногда грозившей им голодной смерти, чеченцы часто совершали дерзкие рейды во владения кумыкской и кабардинской знати, угоняя оттуда скот. По умению вести мобильные оборонительные действия среди родных гор и лесов с быстрым тактическим отступлением, обходом неприятельских рядов с тыла, засадами и внезапными налетами чеченцам не было равных на Кавказе. Они искусно прятались в зарослях, незаметно переплывали реки на плавучих мешках – тулуках, исключительно метко стреляли и владели арканом. Чеченские роды и племена могли враждовать друг с другом, но перед противником извне обыкновенно проявляли активную взаимовыручку. Поэтому феодальные ополчения не решались заходить в глубь земли чеченцев, у которых отсутствовал даже феодальный строй, в социальном отношении они находились полностью на родоплеменном уровне, управлялись родовыми старейшинами, а в военные походы выходили под предводительством наиболее храбрых и мудрых воинов. Понятно, что присягу России, предполагавшую полное подчинение государственной власти и чиновникам, они категорически отвергали и всякую власть выше власти своих старейшин считали злом, посягательством на личную свободу, кроме которой им особо и нечего было терять.

Усиление колониальной экспансии России, которую со времени Мансура чеченцы считали врагом, обратило взоры чеченских охотников за походной добычей на русские поселения, обычно богатые скотом, зерном и всякого рода ценностями.

Всадники, стреляющие в горца. М. Ю. Лермонтов (1814 – 1841)

В начале XIX в. среди русского населения Кавказа чеченцы снискали славу «первейших разбойников». Тогда же распространились тайные похищения чеченцами проезжавших по близким к Чечне дорогам русских офицеров, купцов и казаков. Знатных и богатых пленников чеченцы передавали русским властям за выкуп, простолюдинов же либо продавали в рабство соседним тоже не подчинявшимся российской администрации народам, либо заставляли трудиться в своем хозяйстве. Поскольку рабство в Чечне (как и на Северном Кавказе вообще) оставалось патриархальным, при котором раб имел права младшего члена семьи, обычно пленники последней категории обживались на новом месте, через несколько лет получали свободу, обзаводились собственными семьями, и их потомки ассимилировались в чеченской среде.

Возможно также, что российское командование живших еще в полностью родоплеменном состоянии чеченцев воспринимало как менее серьезного противника, нежели руководивших какими-никакими, но государствами, дагестанских правителей. Поэтому присоединением Чечни хотели как бы «обложить» Дагестан с двух сторон для более успешного наступления на него. Первоочередной задачей тогда становился захват Терского и Сунженского хребтов, отделявших от Кавказской линии небольшую Сунженскую низменность, и перенос восточной части линии на правый приток Терека Сунжу, откуда было бы удобно совершать военные экспедиции непосредственно в горы Чечни. Далее планировалось возвести у предгорий еще ряд крепостей, чтобы соединить Кавказскую линию со старой русской крепостью Кизляр в низовьях Терека. Тогда российским войскам открывался бы удобный плацдарм для активных наступательных действий в труднодоступную Большую (Восточную) Чечню и Дагестан. Собственно, план протяжения Кавказской линии до Каспийского моря (то есть, полного военного ограждения русских владений от гор) прорабатывался российскими стратегами и ранее, но именно Ермолов взялся за его осуществление.

В 1817 г. российские войска с левого (восточного) фланга Кавказской линии стали выдвигаться на Сунжу и заложили на ней укрепление Преградный Стан. В 1818 г. при дальнейшем продвижении русской армии по чеченским землям вдоль Сунжи завязались ожесточенные бои с местным населением. С этого времени и далее на протяжении десятилетий активные боевые действия между российскими войсками и горским населением шли фактически непрерывно, затихая на одном участке фронта, но уже вспыхивая на другом. Поэтому большинство историков именно 1818 г. считают годом начала Кавказской войны, а первым ее эпизодом – наступление войск под общим началом А. Ермолова на чеченские земли по реке Сунже.

Первые же войсковые операции Ермолова в чеченских землях отличились исключительным кровопролитием. Селения разрушались полностью, их жители истреблялись, а уцелевшие спасались бегством в горах. 22 июня 1818 г. в нижнем течении Сунжи на месте разрушенных сел Сарачан-Юрт, Старая Солжа (Сунжа), Малый Чечен, Кули-Юрт, Алхан-Чу, Буган-Юрт, Солжа-Юрт, Суйр-Корт и Ханкала была заложена крепость Грозная (современный город Грозный), ставшая основным плацдармом для дальнейшего продвижения российских войск в земли непокорных народов. Ермолов сделал ее своей временной резиденцией для поездок на левый фланг Кавказской линии.

В 1818 – 1819 гг. войска под командованием генералов В. Сысоева, Н. Грекова и полковника А. Вельяминова (позже тоже произведенного в генералы) совершили ряд экспедиций по близлежащим к Сунже землям чеченцев и уничтожили практически все селения по верхнему и среднему течению реки. Выполняя план Ермолова, они приступили к прокладке просек, по которым могли бы легко продвигаться войсковые подразделения с обозами, в глубь Чечни. От Грозной русская армия выдвинулась дальше на восток и атаковала чеченские селения на равнинном участке между рекой Терек и предгорьями. На открытом месте сельские ополчения чеченцев не могли оказать успешного сопротивления многочисленным, прекрасно вооруженным и применявшим новейшую наступательную тактику революционной Франции российским войскам. Известный военный историограф генерал В. Потто, сам начинавший службу на Кавказе, указывает, что данная местность, впоследствии получившая название Кумыкской плоскости, была «очищена» от коренных жителей в течение нескольких дней.

Совмещая политику поощрения изъявивших покорность России народов с традиционным приемом всех колониальных держав по насаждению враждебности между местным населением, А. Ермолов передал значительную часть опустевших вследствие военного разорения чеченских земель кабардинским и кумыкским феодалам. Именно от вассальной зависимости кабардинских князей и кумыкских шамхалов сравнительно недавно – к концу XVIII в., избавились чеченцы и близкородственные им ингуши. Естественно, передачу в свое владение бывших чеченских земель феодалы рассматривали как превосходную компенсацию за потерю данников, отчего были благодарны Ермолову. На чеченские пепелища водворились переселенцы из Кабарды и Кумыкии, что, в свою очередь, не способствовало возобновлению начавших было складываться в период деятельности Мансура основанных на религиозном единстве теплых отношений между ними и чеченцами. Таким образом Ермолов упреждал складывание нового горского антироссийского альянса. Другая часть опустошенных земель была передана казакам, кроме того, по инициативе Ермолова из внутренних областей России началось переселение на них русских государственных крестьян. Ряд чеченских общин, не дожидаясь, пока на них обрушатся русские ядра и штыки, присягнул России.

Ермолов в окрестностях Кавказа. Русский народный лубок. Альбом книгоиздательского товарищества И. Д. Сытина

Военные действия в Дагестане и Чечне в 1819 – 1822 гг.

Опустошение российскими войсками чеченских земель по Сунже и Нижнему Тереку, появление в низовьях Сунжи российского опорного пункта – крепости Грозной, встревожило дагестанских предводителей. Было очевидно, что основные силы русской армии через Чечню подбираются к Дагестану, где на каспийском побережье в бывших иранских крепостях, в том числе древнем городе Дербент, уже расположились российские гарнизоны. Падение Дагестана с его раннегосударственными образованиями означало бы захват Россией абсолютного господства на Восточном Кавказе, упрочение ее власти в азербайджанских ханствах.

В 1819 г. аварский, мехутлинский и казикумухский (лакский) ханы, правители областей Кайтаг и Табасаран в Центральном Дагестане, вожди даргинского селения Акуша сформировали антироссийскую коалицию. Против кайтагцев Ермоловым была направлена с каспийского побережья в горы экспедиция из двух пехотных батальонов и конного отряда присягнувших на верность России дагестанских жителей под командованием полковника А. Пестеля. Однако действия русского регулярного войска, обученного по европейским стандартам, в узких горных проходах оказались неумелыми, экспедиция была окружена превосходящими силами кайтагцев и едва не перебита в полном составе. Чудом прорвавшись, русские отступили в Дербент.

В ноябре 1819 г. мощная экспедиция во главе с самим А. Ермоловым захватила населенное преимущественно кумыками Мехтулинское ханство. Хан бежал, его государство было упразднено и поделено между доменом (землями прямого подчинения) российского императора и выказавшим преданность России тарковским шамхалом, уже ранее получившим восточные плоскостные земли чеченцев.

Затем русская экспедиция во главе с самим А. Ермоловым выдвинулась на даргинское родовое объединение Акуша, проживавшее в одноименном селении, из-за расположенности высоко в горах (около 2000 м. над уровнем моря) казавшемся неприступным. 31 декабря акушинское ополчение было разбито у селения Леваша, после чего акушинцы принесли присягу верности России. По указанию А. Ермолова акушинский кади – судья, разбиравший вопросы применения шариата, был заменен на лояльного российской администрации. Из наиболее авторитетных родов были взяты аманаты (заложники) общим числом 24 человека и поселены в Дербенте.

Одновременно продолжались ожесточенные боевые действия в Чечне. Хотя чеченцы были застигнуты врасплох русским наступлением летом 1818 г., понесли большие потери и разорения, они вовсе не собирались сдаваться. Единственным общественным законом они в то время признавали неписанные обычаи, регулировавшие народное общежитие, и не видели смысла в жизни под чьей-то авторитарной властью. Уцелевшее от расправы со стороны российских войск население равнинной Чечни бежало в горы, где, объединившись с ополчениями местных жителей, не намеревавшихся ждать, сложа руки, пока русская армия придет и в их селения, устраивало ответные вылазки на российские войсковые гарнизоны и колонны. Веками выработанная тактика быстрых передвижений верхом и умелой маскировки в зарослях позволяла чеченским воинам стремительно проникать в тыл противнику и наносить неожиданные мощные удары, после чего скрываться прежде чем тот успеет собрать и выстроить в нужном порядке все свои силы. Возможностей относительно немногочисленных и разрозненных чеченских отрядов было недостаточно, чтобы разгромить крупные силы русских на Сунже,

но бесчисленными «летучими» атаками и засадами они выматывали российские подразделения, держали их в постоянном напряжении, сковывали свободу передвижения колонн и обозов.

Из-за таких налетов была сорвана часть плана Ермолова по заселению горских земель выходцами из России: не имеющие представления о военном деле, оказавшиеся в совершенно новых для себя хозяйственных и климатических условиях, не знавшие ничего об особенностях взаимоотношений местного населения переселенные из русской глубинки государственные крестьяне были полностью уязвимы перед горскими контратаками. Чеченские всадники разоряли русские колонии быстрее, чем к тем успевали подойти на помощь пехотные подразделения, составлявшие основные силы русской армии, но по сравнению с горской конницей отличавшиеся неповоротливостью. Легкую казачью кавалерию же чеченские ополчения были в состоянии разбить в открытом бою. Хотя русским крестьянам было предписано властями селиться строго в определенных местах – как того требовали стратегические интересы, страх перед крайне озлобленными горцами оказывался сильнее страха перед военной администрацией, и они самовольно переселялись ближе к крепостям – под защиту пушек. В конце концов идею полноценной русификации края пришлось отложить до лучших для российского руководства времен, а основным населением русских колоний, как и прежде, стали казаки, культура которых была во многом сходна с горской, и которые имели много кунаков среди коренного населения.

Не удалось Ермолову и полностью предотвратить складывание горских союзов против российского наступления. Население хорошо помнило проповеди шейха Мансура и перед лицом общего врага все чаще обращалось к мусульманскому религиозному единству. Еще в 1818 г. строительство новой укрепленной линии попыталось сорвать объединенное ополчение чеченцев, аварцев и лезгин под командованием Бейбулата Таймиева и Нур-Мухаммеда, однако особой многочисленностью оно не отличалось (около тысячи человек), и вынуждено было отступить.

В 1820 г. продолжилось планомерное русское наступление из Чечни в сторону Дагестана. Возле захваченного ранее кумыкского селения Эндирей (в старых русских источниках Яндыри или Андреевское), в котором до того располагался один из известнейших работорговческих рынков на Восточном Кавказе, была возведена крепость Внезапная. В ответ войска дагестанской коалиции перекрыли дорогу, которая вела из контролируемого русской армией Дербента в горы области Табасаран, однако выдвинувшаяся из древнего города крупная группировка во главе с генералом В. Мадатовым (Мадатяном) разбила их. Опасаясь разорения своих земель, табасаранский правитель принес присягу на верность России. В июне войска В. Мадатова нанесли сокрушительное поражение лакскому войску и захватили Казикумухское ханство. В сентябре шеститысячное войско аварского хана Ахмада атаковало еще недостроенную крепость Внезапную, но потерпело тяжелое поражение. Возникла угроза прямого русского вторжения в Аварию. По требованию российской администрации Ахмад-хан уступил власть присягнувшему на верность Александру I своему сыну.

Дагестанский военный союз стремительно разваливался под ударами русских штыков и пушек. При всей отваге горских воинов, при всем их боевом искусстве тактика традиционных феодальных дружин и народного ополчения безнадежно отставала от передовой тактики русской армии, и в открытом бою разбить многочисленные ряды завоевателей горцам было невозможно. В октябре экспедиция генерала Мадатова штурмом взяла политические центры последнего антирусского оплота в Дагестане Кайтага Башлыкент и Янгикент. Кайтагский

правитель – уцми, бежал, сам Кайтаг был подчинен прямому управлению российской администрации. А. Ермолов торжественно доложил Александру I:

«Начатое в прошлом году покорение Дагестана нынче завершено, и эта страна – гордая, воинственная и доселе никем не покоренная, пала к священным ногам Вашего Императорского величества».

В Чечне, однако, в связи с отсутствием у чеченцев правителей, которых бы слушались все роды и племена, бои не стихали. Пока русские войска подавляли сопротивление одного селения, народ вооружался в другом. С осени 1820 г. началось сплочение чеченских общин под предводительством бывшего поручика российской армии из небольшой части присягнувших на верность России еще до Ермолова чеченцев Бейбулата Таймиева (Таймазова). Служивший в российской армии, Б. Таймиев хорошо был знаком с ее тактикой, сильными и слабыми сторонами, знал особенности системы русского управления на Кавказе, наконец, был лично знаком с А. Ермоловым. Стремясь упредить объединение исключительно воинственного и стойкого в бою народа, русские войска под командованием генерала И. Гурко разрушили ряд селений у предгорий на востоке Чечни (Истису (Мелчхи), Ойсунгур и др.), откуда чеченцы могли совершать нападения на недавно выстроенные крепости. Не успевшие скрыться жители были просто поголовно перебиты.

В 1821 г., однако, в Чечне поднялось массовое выступление. Но из-за медленного процесса самого объединения чеченских обществ русское командование уже успело к нему подготовиться, русские войска отразили начавшиеся повсюду атаки на них и подавили большинство очагов сопротивления. В том же году возле кумыкского селения Тарки у Каспийского моря была возведена крепость Бурная, завершившая строительство так называемой Сунженской линии. Как и задумывалось изначально, Кавказская линия теперь протянулась от моря до моря, отрезав русские владения на Северном Кавказе от гор, изолировав горское население с севера.

В то же время замысел о строительстве русских крепостей непосредственно в горах Чечни оказался несостоятельным: русское командование не учло сложность кавказского рельефа, сильную крутизну гор. Просеки в лесах необходимо было рубить широкими – так, чтобы горцы не могли обстреливать продвигающиеся войска из леса. Уже сама по себе рубка таких грандиозных проходов была крайне изнурительным делом, и русская администрация вместо солдат стала мобилизовывать на нее изъязвившее покорность местное население. Прокладывать такие дороги в горы было просто нереально. А во время продвижения по местным узким тропам, виляющим среди крутых склонов, заходящим в узкие ущелья и на карнизы над пропастями, не умеющие сражаться вне правильного боевого порядка, отягощенные обозами с провиантом, боеприпасами и медикаментами русские экспедиции оказывались очень уязвимыми для горских засад. Любое продвижение в глубь горной местности было сопряжено для русских с большими потерями, требовало задействования и снабжения очень крупных сил. Поэтому всякая крепость, возведенная в горах Чечни среди укрывавшегося в густых лесных массивах враждебного населения, не могла бы регулярно обеспечиваться всем необходимым.

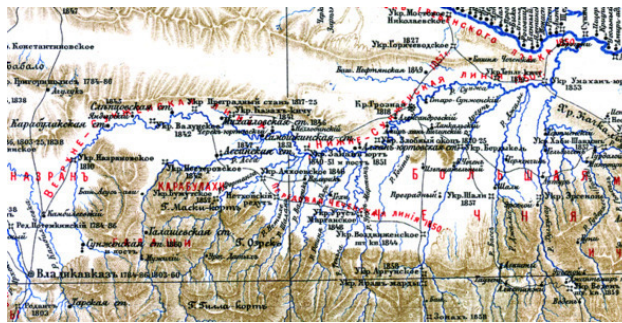

Чечня. Вырубка лесов в Шали. Г. Г. Гагарин

В Дагестане в этом отношении для российских сил было проще: горы, хотя отличались крутизной, были значительно меньше облесены, а дагестанские селения сами по себе представляли расположенные на труднодоступных горных кручах каменные крепости. То есть, чтобы разбить опорный пункт в горном районе, российским войскам требовалось просто занять наиболее удобное из присягнувших на верность России село, и не надо было рисковать, провозя по хорошо простреливающимся с окрестных склонов тропам тяжелые строительные материалы. Да и само продвижение по дагестанским землям, население которых подчинялось общему правителю, было гораздо безопаснее для русских, если тот находился под российской присягой, чем по Чечне, где весь народ привести к присяге было невозможно. Так в ряде горных селений Дагестана были дислоцированы русские гарнизоны, которые должны были пресекать возможный выход местного населения из покорности.

24 мая 1821 г. в чеченском селе Майртуп состоялся съезд представителей разных общин Чечни, на котором было принято решение о новом – как во времена Мансура, объединении мусульман Кавказа против российской экспансии. Идейным вождем чеченского союза стал имам (духовный глава) Майртура Мухаммед (Магомед). Ответственным за стратегическую часть общего дела и военную организацию всеобщего чеченского выступления был назначен Б. Таймиев. Однако полного объединения чеченских родов и племен снова не произошло из-за серьезных разногласий с имевшим также высокий авторитет в Чечне предводителем из крупного села Герменчук (за три года шесть раз разрушавшегося российскими войсками) Абдул-Кадыром. Вокруг Абдул-Кадыра Герменчукского, который, в отличие от считавшего, что для успешного контрнаступления на русских необходима тщательная предварительная подготовка, Таймиева, настаивал на немедленном выступлении, сложился отдельный родоплеменной союз.

Ополчения во главе с Абдул-Кадыром начали активные атаки на русские укрепления со стороны нижнего притока Сунжи – Аргуна, делившего горную Чечню на две части: Малую (Западную) и Большую (Восточную). Затем воины союза, возглавляемого Мухаммедом Майртурским и Бейбулатом Таймиевым, начали военные действия против российских частей в районе селения Качкалык (современный Буйнакский район Дагестана). В феврале 1822 г. мощная русская экспедиция под командованием Н. Грекова выдвинулась из крепости Грозной и, сражаясь с отрядами Абдул-Кадыра, захватила и до основания разрушила селения Герменчук, Шали и Малые Атаги. Привычные для чеченцев приемы внезапных стремительных набегов, засад, неожиданных обстрелов могли задержать продвижение российских сил, но при отсутствии должной боевой организации перед передовой европейской тактикой, штыков и пушек была бессильна. Сам Абдул-Кадыр погиб в одном из боев.

Карта Сунженской линии. Из книги «Исторический очерк кавказских войск от их начала до присоединения Грузии», Тифлис, 1899 г.

Политика А. Ермолова в Кабарде и Закубанье

В 1822 г. А. Ермолов провел общее укрепление Кавказской линии, в том числе выстроив ряд крепостей в Кабарде на Центральном Кавказе. Кабардинцы, еще со средних веков неоднократно заключавшие военные союзы с Россией и даже несколько раз добровольно принимавшие российское подданство, обычно проявляли большую лояльность к российским властям, чем другие мусульманские народы Северного Кавказа. Однако привыкшие к неограниченной свободе кабардинские князья очень тяжело воспринимали вводившиеся Ермоловым новые порядки, требовавшие от горцев полного подчинения России и ее государственной системе подобно всем другим российским подданным. В ответ на выход их из повиновения А. Ермолов провел ряд карательных операций, в ходе которых русские войска уничтожили несколько десятков селений по рекам Чегем, Баксан, Шалушка и Нальчик в бассейне Среднего Терека.

Выстроенные к осени 1822 г. укрепления в кабардинских землях, крупнейшим из которых был Нальчик, располагались у входов в узкие речные долины и ущелья, откуда кабардинские отряды могли совершать набеги на русские крепости и поселения. В самой Кабарде произошел серьезный раскол: из всех адыгских племен кабардинцы были самым богатым, с самой сильной княжеской властью. Уже привыкшие к определенной роскоши, многие князья не желали испытывать судьбу и предпочитали договориться с российской администрацией миром. Ермолов сохранил за ними их почетные в народе привилегии, но вся власть уже фактически осуществлялась администрацией Кавказского края. Пожелавшие же быть верными вековым обычаям и не признавать над собой никакой власти князья объявлялись (в том числе своими присягнувшими на верность России сородичами) вне закона. Против них развернули боевые действия как российские войска, так и признавшие российскую власть кабардинцы же. Под напором превосходящих сил непокорные кабардинские ополчения были отеснены в глубину гор, а их земли конфискованы и по распоряжению российских властей переданы принявшим русское подданство князьям и другим лояльным к России народам.

Так работала ермоловская система «кнута и пряника», одновременно стравливавшая кавказские общества между собой и не дававшая им вновь объединиться против России. Однако в дальних горных ущельях непокорных кабардинских феодалов было невозможно достать. Там они концентрировали силы и, используя знаменитую в то время адыгскую тактику стремительных конных маршей и неожиданных атак, совершали вылазки и наносили тяжелые удары по русским укреплениям и колониям порой в глубоком российском тылу. После выселения российскими войсками подозреваемых в нелояльности жителей междуречья Кубани и ее верхнего притока Малки князья данной местности во главе своих ополчений незаметно смогли просочиться за Кавказскую линию и быстрым рейдом разорили русское село Круглолесское.

Также Ермоловым было проведено укрепление Кубанской линии, за которой лежали земли западных адыгов, еще признаваемые Россией частью Османской империи (но на самом деле совершенно независимые). В то же время Западный Кавказ оставался единственной территорией, где выход к северному побережью Черного моря еще не контролировался Россией, а учитывая мусульманское вероисповедание большинства населения и наличие на адыгском черноморском побережье нескольких османских крепостей, османы вполне могли использовать Закубанье как плацдарм для наступления на русский Юг. В вековом противостоянии России с османами ее первоочередной задачей после овладения Крымом стало полное отодвижение русско-османской границы за кавказский перешеек, где гораздо легче было бы оборонять южные рубежи. Поэтому в том, что рано или поздно встанет необходимость присоединить

к России и населенные адыгами земли между Кубанью и Черным морем, российские стратеги уже не сомневались.

Сами адыги после потери своих обширных земель между Доном и Кубанью в целом воспринимали Россию тоже если не сегодняшним, то завтрашним врагом. При османском дворе тоже понимали, что Россия не оставит попыток полностью овладеть Черноморским побережьем Кавказа, поэтому османские представители с помощью своих местных союзников вели среди адыгов активную антироссийскую пропаганду. Некоторые представители закубанской знати, однако, после переговоров с российскими представителями соглашались присягнуть на верность российскому императору, видя в русских не только опасного врага, но и сильного союзника. В частности, в 1816 г. на русскую службу поступил князь равнинного адыгского племени бжедугов Мухаммед Герай (Мамет-Гирей), сын которого, известный как Султан Хан-Гирей, стал автором ряда ценных трудов по адыгской этнографии.

Хотя регулярной войны на правом фланге Кавказской линии еще не начиналось, обстановка там год от году становилась все напряженнее. Следовали бесконечные локальные столкновения, проводились русские рекогносцировки, грабительские набеги адыгов и карательные экспедиции из российских крепостей. Отлично понимая, что ближайшие османские гарнизоны дислоцируются за труднопреодолимыми крутыми и лесистыми горами Западного Кавказа, а сами адыги подданными султана себя не считают и не захотят звать в свои земли османскую армию, российское командование периодически организовывало весьма крупные военные экспедиции за Кубань, разрушая целые селения и безжалостно убивая их жителей.

Одним из наиболее крупных военных столкновений между адыгскими ополчениями и русскими войсками времени Ермолова стала битва на Калаусских болотах в ночь со 2 на 3 октября 1821 г. Трехтысячное войско адыгских племен шапсугов и жанеевцев во главе со знатным родоплеменным предводителем Исмаилем перешло реку Кубань, намереваясь атаковать русские укрепления, однако было обнаружено казачьей разведкой. Немедленно прибывший на место начальник Кубанской линии генерал М. Власов, сам казак по рождению, сходу организовал засаду, в которую на очень неудобной позиции попала вся адыгская группировка. Спасаясь от расстрела картечью почти в упор и атак с господствующих высот казачьей конницы, ведомое Исмаилем войско кинулось по заведомо оставленному русскими неприкрытым пути в топкое тростниковое болото, где воины начали тонуть сотнями под продолжающимся обстрелом русской артиллерии. Погибло около 1200 адыгов, потери казаков же составили всего несколько человек. Сообщается, что еще долго местные жители находили в болоте адыгское оружие и предметы одежды.

Montagnards circassiens.

Черкесские горцы. Из книги «Путешествие на Восток». Адольф Лоран Джоан (1813—1881)

Основной характер политики А. Ермолова. Контрнаступление горцев

Действуя по принципу: «Все средства на благо Отечества», А. Ермолов не был только кровавым тираном. Активный участник Отечественной войны 1812 г., военачальник, отдающий себе отчет в том, что находящаяся в его подчинении армия ведет тяжелые и кровопролитные боевые действия в непривычных природных условиях, он делал все, чтобы облегчить жизнь солдат и повысить боеспособность войск.

При нем в Кавказском корпусе были прекращены обычные в то время в русской армии изнурительные учения по маршировке, делавшие эффектными плац-парады, но мало полезные в реальной фронтовой обстановке. Солдатам было разрешено носить вместо уставных киверов – высоких головных уборов с узким козырьком, папахи – кавказские войлочные шапки, зимой хорошо защищающие от холода, летом – от жары. В зимнее время служившие на Кавказе солдаты носили вместо ограничивающих подвижность, столь необходимую при внезапных горских атаках, шинелей полушубки. Тщательный надзор осуществлялся за качеством солдатских жилищ, питанием войск, их медицинским обслуживанием. И впредь солдаты – ветераны Кавказской войны, ни о ком из военачальников не отзывались с таким уважением, как о Ермолове. В то же время в делах, напрямую связанных с успехом военных действий и безопасностью войск от всех: от рядового до командира, требовалась жесткая дисциплина.

В отношении коренного населения Кавказа А. Ермолов весь период своего руководства Кавказским краем придерживался политики полного подчинения местных жителей и их земель российской императорской администрации, общим для империи законам и юрисдикции. Компромиссные формы управления вроде протектората или вассалитета, которые сохраняли бы самостоятельность населения во внутренних делах, он считал для Кавказа ненадежными, не гарантирующими выход народов из повиновения и обращения ими оружия против России.

Как уже говорилось, обществам, присягнувшим на верность России, предоставлялась российская государственная защита, администрацией Ермолова предпринимались меры по улучшению и благоустройству их быта, знатные люди принимались на русскую военную службу и вознаграждались землями, отобранными у непокорных народов. Ермолов специально выделял как императорскую милость средства для строительства мечетей в покорившихся России селениях. Но и политика благотворительства по отношению к покорному населению была пропитана возвеличиванием России и ее императора, демонстративно преподносилась как благоволение господина подданному. Так, в 1820 г. Ермолов лично составил для мусульман текст молитвы за благополучие и здоровье Александра I, которую должны были читать в кавказских мечетях. Однако такое установление воспринималось мусульманами как кощунство, и распространения эта молитва не получила.

В связи с тем же, что подавляющее большинство горских народов продолжало оказывать сопротивление российской колонизации, основная политика «проконсула Кавказа» по отношению к ним сводилась к грубому подавлению всякого противодействия. Из своих предшественников и преемников по без преувеличения лютой жестокости к непокорному населению А. Ермолов не превзошел разве что осуществлявшего истребление ногайцев А. Суворова. Смертью карались оскорбление российских властей, неповиновение при трудовой мобилизации.

Даже представители высшего света России, в том числе поддерживавшие саму колониальную политику своего правительства, бывали неприятно впечатлены не вязавшимися с идеалами века Просвещения ермоловскими методами. Опустошения земель, массовые убийства и осуществляемые порой в изощренной форме показательные казни, принудительные переселения людей с мест, освоенных еще их далекими предками (например, чеченцам было запрещено селиться к северу от Терека), активно применяемая для удержания населения в покорности система заложничества не только не могли сломить кавказского сопротивления, но, наоборот, побуждали кавказцев к все более широким выступлениям. Против успеха политики Ермолова работали три местных фактора: горское традиционное свободолюбие, горский менталитет о необходимости даже ценой жизни отвечать злом на зло и мусульманское вероисповедание большинства кавказских народов (согласно исламскому вероучению, мусульманам нельзя подчиняться иноверцам).

На фоне безграничного военно-политического террора (за неповиновение принесших присягу верности России правителей заложников из числа их родственников десятками вешали в крепостях, щадя разве что малолетних), разорения земель, унижительной для кавказского населения трудовой повинности, принуждения присягнувших кавказцев к войне против своих непокорных России соплеменников, публичных и жестоких телесных наказаний, посягающих на кавказское традиционное представление о неприкосновенности и экстерриториальности жилища принудительных выселений все блага, которыми царская администрация оделяла изъявившие ей покорность общества, выглядели грубой подачкой.

Выступления кавказского населения расширялись, обращались не только против российских военных, но и против присягнувших на верность России правителей: уплачивая подати в российскую казну, те, чтобы не обеднеть, повышали налоги со своих подданных. Российские стратеги, воспитанные в стране с четким сословным разделением общества, где податное население отличалось полной покорностью правящей элите и предоставляло ей все полномочия по управлению своей жизнью, с трудом понимали, что столкнулись на Кавказе с народами, у которых были сильны восходящие к родоплеменному строю демократические традиции и имела своя мораль. Даже горцы, принесшие присягу (русские их в то время называли «мирными»), постоянно тайно помогали продолжавшим сопротивление, укрывая тех в своих домах, снабжая продовольствием, боеприпасами, предоставляя важную информацию о расположении и перемещениях российских войск. Некоторые, заявив о своей верности российскому императору, днем демонстрировали преданность российским властям, а ночью вооружались и совершали нападения на русские поселения, убивали солдат.

В 1823 г. русская армия вновь разбила объединенные силы чеченцев, но сломить сопротивление всех защищенных крутыми лесистыми горами селений была не в состоянии. Тогда же А. Ермолову пришлось руководить подавлением вспыхнувшего в Дагестане антироссийского восстания.

Перед лицом общего врага горцы все чаще вспоминали о своем религиозном единстве, о временах Мансура. Способствовало консолидации разных горских народов и то, что при разнице языков и существенных культурных различиях у них было и очень много общих черт в менталитете, традициях и быту. Единым для всех коренных народов Северного Кавказа было представление о человеческой личности как творце своей судьбы, необходимости самостоятельно достигать всего в жизни и уметь любой ценой отстоять свои честь и имущество. Несомненно, этот критерий человек считался ущербным, опозоренным. Поэтому кавказцы

предпочитали вообще не жить, чем жить с чувством неотмщенности за нанесенную обиду. Адыгская пословица гласила: *«Быть мужчиной или умереть»*.

В те годы в Дагестане получили широкую известность проповеди шейха (авторитетного мусульманского богослова) Мухаммеда из селения Яраги на юге горной страны. Мухаммед Ярагинский был представителем суфийского (мистико-аскетического) течения в исламе накшбандия, основанного в XIV в. имамом Бахауддином Накшбанди из Средней Азии. В основе накшбандийского учения лежит последовательное духовное совершенствование человека путем осуществления поклонений Богу под руководством наставника – муршида. Муршид, по мнению последователей накшбандийской системы совершенствования (тариката) сам вступает в контакт с высшими силами и передает полученные откровения своим приближенным – мюридам (мюридам), достигшим соответствующего уровня духовного очищения.

Как проповедник, Мухаммед Ярагинский был известен не только на родном Кавказе, но и далеко за его пределами в мусульманском мире: Турции, Иране, Бухарском эмирате в Средней Азии. Во всем Дагестане в то время не было лучшего знатока исламских наук. Мухаммед Ярагинский наряду с напоминанием о единстве мусульманской общины – уммы, проповедовал недопущение повиновения правителям, нарушившим божественное установление и подчинившихся неверным. *«Только религиозный закон правит людьми – все правверные равны перед Богом. Не может быть чьих-то рабов или подданных»*, – учил шейх Мухаммед. Здесь стало наблюдаться все более очерчивающееся в кавказской среде противостояние между знатью и трудовым народом. Родоплеменной строй с течением веков постепенно изживал себя, усиливались позиции феодалов. Последние все более предавались роскоши, все чаще, пользуясь силой, нарушали вековые обычаи своих народов, и одновременно проходило обеднение масс простых людей, их закабаление знатью, что, конечно, вызывало активное народное противодействие. Подчинение дагестанских правителей ермоловской администрации сильно подорвало их авторитет в глазах народа.

В 1824 г. последователь Мухаммеда Ярагинского и опытный воин Гази Мухаммед прибыл в главный оплот чеченского сопротивления Майртуп и вступил в контакт с Мухаммедом Майртупским, Бейбулатом Таймиевым и герменчукским предводителем Авко. Вместе они начали подготовку всеобщего горского выступления по всему Восточному Кавказу. Чеченские отряды вновь атаковали русские гарнизоны в разных местах. Поначалу командование Сунженской линии во главе с Н. Грековым считало их очередной акцией местного значения. Однако затем, вдохновленные призывами руководителей выступления, подняли восстание считавшиеся «мирными» ингуши, кабардинцы, кумыки, часть осетин. К боевым действиям против русских войск примкнуло несколько сотен и дагестанских воинов. Неожиданное расширение зоны военных действий грозило распространиться на Осетию и перекрыть Военно-Грузинскую дорогу, отрезав таким образом дислоцировавшиеся на Северном Кавказе российские войска от Грузии, где находилась ставка А. Ермолова.

Подавив сопротивление ряда селений, Н. Греков приказал публично подвергнуть телесному наказанию местных военных предводителей, отчего несколько человек скончались. После такой грубой и оскорбительной расправы антироссийское выступление стало расширяться еще быстрее. Степень мобильности армии того времени не позволяла ей одновременно подавить движение горцев по всей территории Чечни и прилегающих областей. Горские отряды отступали при приближении русской экспедиции в одном районе, но тем временем, воспользовавшись уходом основных российских сил на подавление своих соседей, на линию совершали нападения горцы из другого района. Уже готовые к появлению российских экспедиций

чеченцы заблаговременно уводили в труднодоступную глубь гор своих женщин, детей, стариков, прятали скот и хозяйство. Не ввязываясь с русскими в открытый бой, горские всадники незаметно обходили их колонны и совершали стремительные атаки с флангов и с тыла. Войска, возглавляемые Н. Грековым, фактически бесцельно блуждали по предгорьям Чечни, разрушая опустевшие селения, теряя солдат при неожиданных горских налетах, и никак не могли нанести горцам решительного поражения.

В таких условиях А. Ермолов, избегавший общения с Б. Таймиевым как с изменником (тот, как уже говорилось, ранее служил в русской армии в чине поручика), все-таки снизошел до встречи с горским предводителем при посредничестве тарковского шамхала. Встреча состоялась в предгорном кумыкском селении Эрпели (современный Буйнакский район Дагестана). Однако фактически он лишь повторил Б. Таймиеву категорическое требование прекратить сопротивление.

Летом 1825 г. войско Б. Таймиева осадило редут Гурзуль при селении Герзель. При подходе крупных сил русских под командованием Н. Грекова чеченская конница сняла осаду редута и, совершив стремительный марш-бросок, атаковала другие укрепления Сунженской линии. Горские ополчения под командованием Авко Герменчукского и Гази Мухаммеда атаковали редут Сунженской линии Амир-Хаджи-Юрт, захватили и разрушили его. Погибло 98 солдат, офицеров и казаков из всего гарнизона редута, составлявшего 181 человек, 13 человек стали пленниками горцев. В руки чеченцев попала русская пушка. Следом под ударами горцев пали укрепление Злобный Окоп и крепость Преградный Стан. Возникла угроза окружения самого Н. Грекова в редуте Гурзуль, и генерал поспешно отбыл оттуда в крепость Грозную.

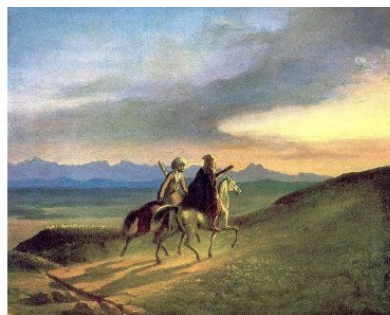
12 июня Б. Таймиев во главе крупного войска в очередной раз осадил редут Гурзуль. На помощь чеченским ополчениям из близлежащих районов Дагестана подошли отряды добровольцев. Против горских сил выступило мощное русское соединение под командованием генералов Н. Грекова и Д. Лисаневича. Не решившись на открытое сражение с ним, Б. Таймиев отвел свои войска в предгорья, рассчитывая дать бой в более удобной для горской обороны местности. Российское командование, как обычно, решило применить систему заложничества. Д. Лисаневичем были вызваны в Гурзуль старшины всех в округе чеченских и кумыкских селений общим числом 318 человек. Однако когда конвой попытался их обезоружить, они оказали сопротивление. Вышедший из себя Н. Греков ударил по лицу одного из чеченских вождей, и в ответ тот заколол его кинжалом. В завязавшейся схватке все несостоявшиеся заложники были перебиты, однако успели нанести смертельные ранения еще и генералу Д. Лисаневичу и двум офицерам. Войска Сунженской линии оказались без командования.

Для российских сил на Восточном Кавказе складывалась угрожающая обстановка: путь через горы по Военно-Грузинской дороге в Тифлис был долгим, и донесения А. Ермолову шли по многу дней. Вдобавок, Ермолов оказался болен, и еще требовалось время на его приезд на Сунженскую линию. Даже возникший раскол в горском движении, когда в июле 1825 г. Мухаммед Майртупский, недовольный своей фактически второстепенной ролью, размежевался с Б. Таймиевым и возглавил выступивших за переговоры с русскими жителей северо-восточной Чечни и кумыков, сразу не переменял обстановки. В августе 1825 г. Б. Таймиев во главе небольшого отряда, пользуясь дезорганизацией в действиях российских войск после гибели командования, ворвался в саму крепость Грозную и разрушил ее казармы и главные ворота, после чего лишь с незначительными потерями отступил в Ханкалу. Вскоре в крепость прибыл тяжело больной Ермолов. Несмотря на свое физическое состояние, он принялся руководить перестройкой и передислокацией укреплений Сунженской линии и подготовкой

к активным действиям против набравшего небывалый размах горского движения, которые наметил на зиму. Тем временем чеченцы продолжали беспрестанно атаковать русские укрепления и казачьи станицы, еще некоторые из российских опорных пунктов были захвачены и разорены.

Победы чеченцев и их союзников на Восточном Кавказе воодушевляли и продолжавших совершать набеги на Кавказскую линию непокорных России кабардинцев. В 1825 г. кабардинские князья совершили очередной глубокий рейд в российский тыл и разорили станицу Солдатскую. Однако это оказалось последним действительно крупным антироссийским выступлением в Кабарде. Далее кабардинцы ограничивались лишь отдельными локальными нападениями на русские гарнизоны и поселения.

О стабилизации обстановки в Кабарде свидетельствовало и то, что у ее границ в богатом источниками минеральной воды – нарзана, Пятигорье администрацией Ермолова были построены первые на Кавказе курорты, вырос русский город Пятигорск. В Пятигорье потянулись на отдых, поправлять здоровье целебным нарзаном и любоваться необычными для русского жителя того времени горными пейзажами представители элиты русского общества. Учитывая, что дворянство было самым просвещенным российским сословием, так началось знакомство с Кавказом, его природными и культурными особенностями достаточно широких масс населения России. Впечатления от курортных поездок на Кавказ вдохновляли на творчество А. Пушкина и раннего М. Лермонтова.

Воспоминания о Кавказе. М. Ю. Лермонтов

Смена российского главнокомандования на Кавказе. Начало российской колонизации адыгского Закубанья и Черноморского побережья

Отсутствие серьезной политической организации, единого мнения о том, до какого момента должна продолжаться война, препятствовало закреплению горцами военных успехов. Движение Мухаммеда Майртупского, Б. Таймиева и Авко Герменчукского было скорее стихийным всенародным порывом, стремлением отомстить российским колонизаторам за смерть близких, унижения и разорения. Горцы не знали даже о реальных размерах и населенности Российской империи, поэтому полагали, что захватнические действия – политика, прежде всего, лично А. Ермолова, тогда как основные пункты российской стратегии на Кавказе разрабатывались в Санкт-Петербурге при императорском дворе.

26 января 1826 г. российские войска под командованием самого А. Ермолова выступили из крепости Грозной на селение Малые Атаги у реки Аргун, где находился штаб Б. Таймиева. Однако когда войска начали переходить реку, чеченцы с другого берега открыли по ним плотный ружейный огонь, который русские не смогли преодолеть. Получив уточненное донесение, что руководители горцев находятся в селе Чах-Кири в нескольких верстах от Малых Атагов, А. Ермолов изменил направление наступления. Однако Б. Таймиев со своим войском и все местные жители успели заблаговременно покинуть Чах-Кири. Единственным успехом экспедиции стало разрушение опустевшего селения. По возвращении отряда Ермолова в Грозную крепость подверглась очередной мощной атаке горцев.

Зимняя кампания Ермолова напоминала экспедиции Н. Грекова: чеченцы не ввязывались в открытый бой и отступали при приближении неповоротливых, отягощенных обозами русских экспедиций в глубину гор, а потом совершали нападения на Сунженскую линию в слабо защищенных местах. В течение трех недель войска А. Ермолова блуждали по холодным горам, довольствуясь лишь тем, что разрушали покинутые местными жителями селения. После этого войска вернулись в укрепления линии и прекратили активные действия. По-видимому, предположив, что русские признали свое поражение, к тому же движимые необходимостью дальше выживать и заниматься хозяйством, чеченцы стали возвращаться в покинутые селения. В апреле – мае 1826 г. А. Ермолов развернул весеннюю военную кампанию в Чечне, в ходе которой сумел нанести уже не столь дружным, как раньше, горским ополчениям ряд поражений и разрушил десятки селений по Сунже и ее притокамASSE и Аргуну. Хотя сопротивление горцев само по себе отнюдь не было подавлено, власть России они в большинстве своем так и не признали, интенсивность их нападений на Сунженскую линию значительно упала. На чеченском фронте установилось относительное равновесие. А. Ермолов вернулся в Тифлис.

Между тем «проконсулу Кавказа» явно изменяло чувство меры. Наделенный фактически неограниченными полномочиями в управлении краем, А. Ермолов все больше входил в роль местного «царя». По долгу службы он занимался активной дипломатической деятельностью в граничащем с Кавказом Иране, и ему явно импонировала деспотическая власть восточных правителей. Как говорили простые русские поселенцы на Кавказе, Ермолов «обасурманился». В вопиющее нарушение русских традиций правитель Кавказского края обзавелся гаремом из местных кавказских женщин. Дочь Ермолова София, рожденная от кумычки, была воспитана в мусульманской религии и вышла замуж за кумыка Махай-оглы из селения Ги́ли. Ермоловская администрация российского Кавказа, тоже отнюдь не в духе русского Просвещения,

занималась работоторговлей, пуская с молотка на восточных рынках захваченных в плен горских женщин и детей.

Также А. Ермолов (как и последующие кавказские начальники) практиковал отдачу взятых в аманаты (заложники) и пленных горских детей в православные монастыри и российские учебные заведения с целью их полной интеграции в российское общество. На данной основе построен сюжет поэмы М. Лермонтова «Мцыри». Известный российский художник-портретист П. Захаров-Чеченец был уроженцем чеченского селения Дади-Юрт, в 1819 г. разрушенном войсками А. Ермолова, родители его были убиты, сам же он в трехлетнем возрасте был отдан на воспитание казаку Захару Недоносову, а затем его усыновил сам Ермолов.

Своеволие А. Ермолова привело к недоверию в отношении него со стороны вступившего на российский престол в декабре 1825 г. нового императора Николая I. Тот, залогом благополучия державы считавший строжайшее подчинение чиновников всех уровней верховной власти, вообще не терпел самоуправства наместников. О своих подозрениях А. Ермолова в вольных действиях, о том, что генерал недостойн столь высокой должности, Николай I говорил, не скрывая. Неудачи А. Ермолова при подавлении антироссийского объединенного горского движения, развернувшегося с 1824 г., да и то, что из представленного первоначально Ермоловым грандиозного плана по усмирению Кавказа за восемь лет выполнена была весьма скромная часть, усилили царскую немилость.

Окончательно лишило «хозяина Кавказа» императорского доверия неожиданное начало русско-иранской войны 31 июля 1826 г. Как оказалось, российские войска на Кавказе были совершенно не подготовлены к войне с Ираном, поскольку выполнявший роль русского посла А. Ермолов был уверен в благосклонности шаха к России. Иранцам весьма быстро удалось захватить ряд важных российских стратегических пунктов в Закавказье, и только прибытие возглавившего русские войска генерала И. Паскевича позволило остановить иранское наступление, а затем и отбросить иранцев от российских границ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.